

Лев Николаевич

Толстой

Что такое религия и в чем сущность ее?

(1902 г.)

Государственное издательство

художественной литературы

Москва – 1950

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 35-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 35-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Л. Н. ТОЛСТОЙ в 1903 г.

ЧТО ТАКОЕ РЕЛИГИЯ И В ЧЕМ СУЩНОСТЬ ЕЕ?

I

Всегда во всех человеческих обществах, в известные периоды их жизни, наступало время, когда религия сначала отклонялась от своего основного значения, потом, всё более и более отклоняясь, теряла свое основное значение и, наконец, замирала в раз установленных формах, и тогда действие ее на жизнь людей становилось всё меньше и меньше.

В такие периоды образованное меньшинство, не веря в существующее религиозное учение, делает только вид, что верит в него, находя это нужным для удержания народных масс в установленном строе жизни; народные же массы, хотя и держатся по инерции раз установленных форм религии, в жизни своей не руководятся уже требованиями религии, а только народными обычаями и государственными законами.

Так это было много раз в различных человеческих обществах. Но никогда не было того, что происходит теперь в нашем христианском обществе. Никогда не было того, чтобы богатое, властвующее и более образованное меньшинство, имеющее наибольшее влияние на массы, не только не верило в существующую религию, но было бы уверено в том, что в наше время религии уже никакой не нужно и внушало бы людям,

сомневающимся в истинности исповедуемой религии, не какое-либо более разумное и ясное религиозное учение, чем то, которое существует, а то, что религия вообще отжила свое время и стала теперь не только бесполезным, но и вредным органом жизни обществ, вроде того, как слепая кишка в организме человека. Религия изучается этого рода людьми не как нечто известное нам по внутреннему опыту, а как внешнее явление, как бы болезнь, которую бывают одержимы некоторые люди и которую мы можем исследовать только по внешним симптомам.

Религия, по мнению одних из этих людей, произошла от одухотворения всех явлений природы (анимизм), по мнению других, – из представления о возможности отношений с умершими предками, по мнению третьих, – из страха перед силами природы.

А так как, рассуждают далее ученые люди нашего времени, наука доказала, что деревья и камни не могут быть одушевлены, и умершие предки уже не чувствуют того, что делают живые, и явления природы объясняемы естественными причинами, то и уничтожилась необходимость и в религии, и во всех тех стеснениях, которые, вследствие религиозных верований, налагали на себя люди. По мнению ученых был период невежественный – религиозный. Этот период уже давно пережит человечеством, остались редкие, атавистические признаки его. Потом был период метафизический, и этот пережит. Теперь же мы, просвещенные люди, живем в периоде научном, в периоде позитивной науки, которая заменяет религию и ведет человечество на такую высокую степень развития, до которой оно никогда не могло бы достигнуть, подчиняясь суеверным религиозным учениям.

В начале нынешнего 1901 года французский знаменитый ученый Berthelot произнес речь, [1] в которой он сообщил своим слушателям мысль о том, что время религии прошло и что религия теперь должна быть заменена наукой. Я цитирую эту речь потому, что она первая попала мне под руку и произнесена в столице образованного мира всеми признанным ученым, но та же мысль выражается беспрестанно и везде, начиная от философских трактатов до газетных фельетонов. Г-н Бертелло говорит в этой речи, что были прежде два начала, двигавшие человечество: сила и религия. Теперь же двигатели эти стали излишни, потому что на место их стала наука. Под наукой же г-н Бертелло, очевидно, понимает, как и все люди, верующие в науку, такую науку, которая обнимает всю область человеческих знаний, гармонически связанных и, по степени их важности, распределенных между собою, и обладает такими методами, что все добытые ею данные составляют несомненную истину. Но так как такой науки в действительности не существует, а то, что называется наукой, составляет сбор случайных, ничем не связанных между собою знаний, часто совсем ненужных и не только не представляющих несомненной истины, но сплошь да рядом самые грубые заблуждения, нынче выставляемые как истины, а завтра опровергаемые, – то очевидно, что не существует того самого предмета, который должен, по мнению г-на Бертелло, заменить и религию. А потому и утверждение г-на Бертелло и людей, согласных с ним, о том, что наука заменит религию, совершенно произвольно и основано на ничем не оправдываемой вере в непогрешимую науку, совершенно подобную вере в непогрешимую церковь. А между тем люди, называющиеся и считающиеся учеными, совершенно уверены в том, что уже существует такая наука, которая должна и

может заменить религию и даже теперь упразднила ее.

«Религия отжила, верить во что-нибудь, кроме науки, есть невежество. Наука устроит всё, что надо, и руководствоваться в жизни надо только одной наукой», думают и говорят как сами ученые, так и те люди толпы, которые, хотя и очень далеки от науки, верят ученым и вместе с ними утверждают, что религия есть пережитое суеверие и в жизни нужно руководиться только наукой, т. е. собственно ничем, потому что наука по самой цели своей – исследования всего существующего – не может дать никакого руководства в жизни людей.

II

Ученые люди нашего времени решили, что религия не нужна, что наука заменит или уже заменила ее, а между тем, как прежде, так и теперь, без религии никогда не жило и не может жить ни одно человеческое общество, ни один разумный человек (я говорю разумный человек потому, что неразумный человек, так же как и животное, может жить и без религии). А не может жить без религии разумный человек потому, что только религия дает разумному человеку необходимое ему руководство о том, что ему надо делать и что надо делать прежде и что после. Разумный человек не может жить без религии именно потому, что разум составляет свойство его природы. Всякое животное руководится в своих поступках, – кроме тех, к которым его влечет прямая потребность удовлетворения своих желаний, – соображением о ближайших последствиях своего поступка. Сообразив эти последствия посредством тех средств познания, которыми оно владеет, животное согласует с этими последствиями свои поступки и всегда без колебаний поступает одним и тем же образом, соответственно этим соображениям. Так, например, пчела летит за медом и приносит его в улей, потому что зимой ей понадобится собранный ею корм для себя и детей, и дальше этих соображений ничего не знает и не может знать; так же поступает и птица, свивающая гнездо или перелетающая с севера на юг и обратно. Так же поступает и всякое животное, совершающее поступок, не вытекающий из прямой, сейчасной потребности, но обусловленный соображениями об ожидаемых последствиях. Но не то с человеком. Разница между человеком и животным – в том, что познавательные способности животного ограничиваются тем, что мы называем инстинктом, тогда как основная познавательная способность человека есть разум. Пчела, собирающая корм, не может иметь никаких сомнений о том, хорошо или дурно собирать его. Но человек, собирая жатву или плоды, не может не думать о том – не уничтожает ли он на будущее время произрастания хлеба или плодов? и о том – не отнимает ли он этим собиранием пищу у ближних? Не может не думать и о том, что будет из тех детей, которых он кормит? и многое другое. Самые важные вопросы поведения в жизни не могут разумным человеком быть решены окончательно именно по обилию последствий, которых он не может не видеть. Всякий разумный человек, если не знает, то чувствует, что в самых важных вопросах жизни ему нельзя руководствоваться ни личными

побуждениями чувств, ни соображениями о ближайших последствиях его деятельности, потому что последствий этих он видит слишком много различных и часто противоречивых, т. е. таких, которые так же вероятно могут быть благодетельны или зловредны как для него, так и для других людей. Есть легенда о том, как ангел, сошедши на землю в богобоязненную семью, убил ребенка, который был в колыбели, и когда его спросили: зачем он сделал это? – объяснил, что ребенок был бы величайшим злодеем и сделал бы несчастье семьи. Но не только в вопросе о том, какая жизнь человеческая полезна, бесполезна или вредна, – все самые важные вопросы жизни не могут быть решены разумным человеком по соображению с их ближайшими отношениями и последствиями. Разумный человек не может удовлетвориться теми соображениями, которые руководят поступками животных. Человек может рассматривать себя как животное среди животных, живущих сегодняшним днем, он может рассматривать себя и как члена семьи и как члена общества, народа, живущего веками, может и даже непременно должен (потому что к этому неудержимо влечет его разум) рассматривать себя как часть всего бесконечного мира, живущего бесконечное время. И потому разумный человек должен был сделать и всегда делал по отношению бесконечно малых жизненных явлений, могущих влиять на его поступки, то, что в математике называется интегрированием, т. е. устанавливать, кроме отношения к ближайшим явлениям жизни, свое отношение ко всему бесконечному по времени и пространству миру, понимая его как одно целое. И такое установление отношения человека к тому целому, которого он чувствует себя частью и из которого он выводит руководство в своих поступках, и есть то, что называлось и называется религией. И потому религия всегда была и не может перестать быть необходимостью и неустранимым условием жизни разумного человека и разумного человечества.

III

Так и понимали всегда религию люди, не лишённые способности высшего, т. е. религиозного сознания, отличающего человека от животного. Самое древнее и обычное определение религии, от которого и произошло самое слово: religio (religare, связывать), состоит в том, что религия есть связь человека с Богом. Les obligations de l'homme envers Dieu voilà la religion, [2] – говорит Вовенарг. Такое же значение придают религии Шлейермахер и Фейербах, признавая основой религии сознание человеком своей зависимости от Бога. La religion est une affaire entre chaque homme et Dieu. (Beile.) [3] La religion est le résultat des besoins de l'âme et des effets de l'intelligence. (B. Constant.) [4]

Религия есть известный способ осуществления человеком своего отношения к сверхчеловеческим и таинственным силам, от которых он считает себя зависимым. (Goblet d'Alviella.) Религия есть определение человеческой жизни посредством связи человеческой души с тем таинственным духом, владычество которого над миром и над собою

признается человеком и с которым он чувствует себя соединенным. (A. Reville.)

Так что сущность религии всегда понималась и теперь понимается людьми, не лишенными высшего человеческого свойства, как установление человеком его отношения к бесконечному существу или существам, власть которых он чувствует над собой. И отношение это, как бы оно ни было различно для разных народов и в разные времена, всегда определяло для людей их назначение в мире, из которого естественно вытекало и руководство для их деятельности. Еврей понимал свое отношение к бесконечному так, что он член избранного Богом из всех народов народа и потому должен соблюдать перед Богом заключенное Богом с этим народом условие. Грек понимал свое отношение так, что он, будучи в зависимости от представителей бесконечности – богов, должен делать им приятное. Брамин понимал свое отношение к бесконечному Бrame так, что он есть проявление этого Брамы и должен отрешением от жизни стремиться к слиянию с этим высшим существом. Буддист понимал и понимает свое отношение к бесконечному так, что он, переходя из одной формы жизни в другую, неизбежно страдает, страдания же происходят от страстей и желаний, и потому он должен стремиться к уничтожению всех страстей и желаний и переходу в нирвану. Всякая религия есть установление отношения человека к бесконечному существованию, которому он чувствует себя причастным и из которого он выводит руководство своей деятельности. И потому, если религия не устанавливает отношения человека к бесконечному, как, например, идолопоклонство или волхвование, – это уже не религия, а только вырождение ее. Если религия хотя и устанавливает отношение человека к Богу, но устанавливает его утверждениями, несогласными с разумом и современными знаниями людей, так что человек не может верить в такие утверждения, то это тоже не религия, а подобие ее. Если религия не связывает жизнь человека с бесконечным существованием, это тоже не религия. И также не религия требования веры в такие положения, из которых не вытекает определенное направление деятельности человека. И также нельзя назвать религией позитивизма Конта, который устанавливает отношение человека только к человечеству, а не к бесконечному и из этого отношения совершенно произвольно выводит свои нравственные, ни на чем не упирающиеся, хотя и очень высокие требования. Так что самый образованный контист стоит в религиозном отношении несравненно ниже самого простого человека, верующего в Бога – какого бы то ни было, но только – бесконечного, – и из этой веры выводящего свои поступки. Рассуждения же контистов о «grand être» не составляют веры в Бога и не могут заменить ее.

Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками.

Ученые люди нашего времени, несмотря на то, что везде и всегда люди не жили и не живут без религии, говорят, как тот невольный мольеровский доктор, уверявший, что печень в левом боку: nous avons changé tout cela, [5] и можно и должно жить без религии. Но религия как была, так и остается главным двигателем, сердцем жизни человеческих обществ, и без нее, как без сердца, не может быть разумной жизни. Религий было и теперь много различных, потому что выражение отношения человека к бесконечному, к Богу или богам, различно и по времени, и по степени развития различных народов, но никогда ни одно общество людей, с тех пор как люди стали разумными существами, не могло жить и потому не жило и не может жить без религии.

Правда, бывали и бывают в жизни народов периоды, когда существующая религия бывала так извращена и так отставала от жизни, что уже не руководила ею. Но это наступающее в известное время для каждой религии прекращение воздействия ее на жизнь людей бывало только временное. Религии, как и всё живое, имеют свойство рождаться, развиваться, стареться, умирать, вновь возрождаться и возрождаться всегда в более совершенной, чем прежде, форме. После периода высшего развития религии всегда наступает период ее ослабления и замирания, за которым следует обыкновенно период возрождения и установления более, чем прежде, разумного и ясного религиозного учения. Такие периоды развития, замирания и возрождения были во всех религиях: в глубокомысленной браминской религии, – в которой, как только она стала стареться и окаменевать в раз установившихся и отклонившихся от ее основного смысла грубых формах, – появились, с одной стороны, возрождение браманизма, а с другой – высокое учение буддизма, двинувшее вперед понимание человечеством своего отношения к бесконечному. Такой же упадок был в греческой и римской религии, и также вслед за дошедшим до высшей степени упадком появилось христианство. То же было и с церковным христианством, выродившимся в Византии в идолопоклонство и многобожие, когда, в противовес этого извращенного христианства, появилось, с одной стороны, павликианство, с другой – в отпор учению о троице и богородице – строгое магометанство со своим основным догматом единого Бога. То же произошло и с папским средневековым христианством, вызвавшим реформацию. Так что периоды ослабления религий в смысле воздействия их на большинство людей, составляют необходимое условие жизни и развития всех религиозных учений. Происходит это оттого, что всякое религиозное учение в своем истинном смысле, как бы грубо оно ни было, – всегда устанавливает отношение человека к бесконечному, одинаковое для всех людей. Всякая религия признает человека одинаково ничтожным перед бесконечностью, и потому всегда всякая религия включает понятие равенства всех людей перед тем, что она считает Богом, будет ли то молния, ветер, дерево, животное, герой, умерший или даже живой царь, как это было в Риме. Так что признание равенства людей есть неизбежное, основное свойство всякой религии. Но так как в действительности равенства людей между собою нигде и никогда не существовало и не существует, то как только появлялось новое религиозное учение, всегда включающее в себе и признание равенства всех людей, так тотчас те люди, для которых неравенство

было выгодно, старались скрыть это основное свойство религиозного учения, извратив самое религиозное учение. Так это и делалось всегда и везде, где появлялось новое религиозное учение. И делалось это большей частью не сознательно, а только вследствие того, что люди, которым было выгодно неравенство, люди властвующие, богатые для того, чтобы, не изменяя своего положения, чувствовать себя правыми перед принятым учением, всеми средствами старались придать религиозному учению такое значение, при котором неравенство было бы возможно. Извращение же религии, такое, при котором властвующие над другими могли считать себя правыми, естественно передаваемое массам, внушало и этим массам то, что их покорность тем, которые властвуют, есть требование исповедуемой ими религии.

V

Всякая деятельность человеческая вызывается тремя побудительными причинами: чувством, разумом и внушением, тем самым свойством, которое врачи называют гипнозом. Иногда человек действует под влиянием только чувства, стремясь достигнуть того, чего желает; иногда он действует под влиянием одного разума, указывающего ему то, что он должен делать; иногда и чаще всего человек действует потому, что он сам или другие люди внушили ему известную деятельность, и он бессознательно покоряется внушению. При нормальных условиях жизни все три двигателя участвуют в деятельности человека. Чувство влечет человека к известной деятельности, разум проверяет сообразность этой деятельности с окружающей средой, прошедшим и предполагаемым будущим, и внушение заставляет человека исполнять, не чувствуя и не думая, вызванные чувством и одобренные разумом поступки. Если бы не было чувства, человек не предпринял бы никакого дела; если бы не было разума, человек предавался бы сразу многим чувствам, противоречивым и вредным себе и другим; если бы не было способности подчиняться внушению своему и других людей, человек должен был бы переставая испытывать то чувство, которое побудило его к известной деятельности, и постоянно напрягать свой разум на поверку целесообразности этого чувства. И потому все три двигателя эти необходимы для всякой самой простой деятельности людской. Если человек идет из одного места в другое, то происходит это потому, что чувство побудило его перейти с места на место, разум одобрил это намерение, предписал средство исполнения (в данном случае шагание по известной дороге), и мускулы тела повинуются, и человек идет по предписанной дороге. В то же время, как он идет, и чувство, и разум его освобождаются для другой деятельности, чего бы не могло быть, если бы не было способности подчинения внушению. Так это происходит для всех деятельностей людских и так же для самой важной из них: для религиозной деятельности. Чувство вызывает потребность установления отношения человека к Богу; разум определяет это отношение; внушение побуждает человека к деятельности, вытекающей из этого отношения. Но так это происходит только тогда, когда религия не подверглась еще извращению. Но как только начинается это извращение, так всё более и

более усиливается внушение и ослабляется деятельность чувства и разума. Средства же внушения всегда и везде одни и те же. Средства эти – в том, чтобы, пользуясь тем состоянием человека, когда он более всего восприимчив к внушению (детский возраст, важные события жизни – смерть, роды, браки), воздействовать на него произведениями искусства: архитектуры, ваяния, живописи, музыки, драматических представлений, и в этом состоянии восприимчивости, подобной той, которая достигается над отдельными людьми полуусыплением, внушать ему то, что желательно внушителям.

Это явление можно наблюдать на всех старых верованиях: и в возвышенном учении браманизма, выродившемся в грубое поклонение бесчисленным изображениям в различных храмах при пении и курении; и в древне-еврейской религии, проповеданной пророками и превратившейся в поклонение Богу в величественном храме при торжественных пениях и шествиях; и в возвышенном буддизме, превратившемся с его монастырями и изображениями будд, с бесчисленными торжественными обрядами в таинственный ламаизм; и в таоизме с его колдовством и заклинаниями.

Всегда во всех религиозных учениях, когда они начинали извращаться, блюстители религиозных учений употребляют все усилия на то, чтобы, приведя людей в состояние ослабления деятельности разума, внушать им то, что им нужно. А нужно было внушать во всех религиях одни и те же три положения, служащие основанием всех тех извращений, которым подвергались стареющие религии. Во-первых, то, что есть особенного рода люди, которые одни могут быть посредниками между людьми и Богом или богами; во-вторых, то, что совершились и совершаются чудеса, которые доказывают и подтверждают истинность того, что говорят посредники между людьми и Богом, и, в-третьих, то, что есть известные слова, изустно повторяемые или записанные в книгах, которые выражают неизменную волю Бога и богов и потому святы и непогрешимы. А как только под влиянием гипноза приняты эти положения, так уже и всё то, что говорят посредники между Богом и людьми, принимается как святая истина, и достигается главная цель извращения религии – не только скрывание закона равенства людей, но и установление и утверждение величайшего неравенства, разделение на касты, деление на людей и гоев, на правоверных и неверных, на святых и грешных. То же самое совершалось и совершается в христианстве: было признано полное неравенство между собою людей, разделенных не только в смысле понимания учения на клир и народ, но и в смысле общественного положения на людей имеющих власть и повинующихся ей, – которое по учению Павла признается установленным самим Богом.

VI

Неравенство людей, не только клира и мирян, но и богатых и бедных, господ и рабов, установлено христианской церковной религией в такой же определенной и резкой форме, как и в других религиях. А между

тем, судя по тем данным, которые мы имеем о начальном состоянии христианства, по учению, выраженному в Евангелиях, казалось, предвидены были главные способы извращения, которые употребляются в других религиях, и ясно высказано предостережение против них. Против сословия жрецов прямо сказано, что никакой человек не может быть учителем другого (не называйтесь отцами и учителями); против приписывания священного значения книгам сказано: что важен дух, а не буква, и что люди не должны верить преданиям человеческим, и что весь закон и пророки, т. е. все книги, считавшиеся священным писанием, сводятся только к тому, чтобы поступать с ближними так же, как хочешь, чтобы поступали с тобою. Если ничего не сказано против чудес, и в самом Евангелии описаны чудеса, будто бы произведенные Иисусом, то все-таки по всему духу учения видно, что истинность учения Иисус основывал не на чудесах, а на самом учении. («Кто хочет знать, истинно ли мое учение, пусть делает, что я говорю».) Главное же, христианством провозглашено равенство людей, уже не как вывод из отношения людей к бесконечному, а как основное учение братства всех людей, так как все люди признаны сынами Бога. И потому, казалось бы, нельзя извратить христианство так, чтобы уничтожить сознание равенства людей между собою.

Но ум человеческий изворотлив, и придумано было, может быть и бессознательно или полусознательно, еще совершенно новое средство (трис, как говорят французы) для того, чтобы сделать предостережения евангельские и явное провозглашение равенства всех людей недействительными. Трис этот состоит в том, что приписывается непогрешимость не только известной букве, но и известному собранию людей, называемому церковью и имеющему право передавать эту непогрешимость избираемым ими людям.

Придумано было маленькое прибавление к Евангелиям, именно то, что Христос, уходя на небо, передал известным людям исключительное право не только учить людей божеской истине (он передал при этом по букве стиха Евангелия и право, которым обыкновенно не пользуются, быть неуязвимым для змей, всяких ядов, огня), но и делать людей спасенными или не спасенными и, главное, передавать это другим людям. А как только было твердо установлено понятие церкви, так уже недействительны стали все положения евангельские, препятствовавшие извращению, так как церковь была старше и разума, и писания, признаваемого священным. Разум признан был источником заблуждений, а Евангелие толковалось не так, как того требовал здравый смысл, а как того хотели те, кто составляли церковь.

И потому все прежние три способа извращения религий: жречество, чудеса и непогрешимость писания были и в христианстве признаны во всей силе. Была признана законность существования посредников между Богом и людьми, потому что необходимость и законность посредников признала церковь; была признана действительность чудес, потому что о них свидетельствовала непогрешимая церковь; была признана священной Библия, потому что это признавала церковь.

И христианство было извращено так же, как и все другие религии, с той только разницей, что именно потому, что христианство с особенной ясностью провозгласило свое основное положение равенства всех людей,

как сынов Бога, нужно было особенно сильно извратить всё учение, чтобы скрыть его основное положение. И это самое с помощью понятия церкви и было сделано и в такой мере, в какой это не происходило ни в одном религиозном учении. И действительно, никогда ни одна религия не проповедывала таких явно несогласных с разумом и с современными знаниями людей и таких безнравственных положений, как те, которые проповедует церковное христианство. Не говоря уже о всех нелепостях ветхого завета в роде сотворения света прежде солнца, сотворения мира 6000 лет тому назад, помещения всех животных в ковчег и о разных безнравственных гадостях в роде предписания убийства детей и целых населений по приказанию Бога, не говоря и о том нелепом таинстве, про которое Вольтер еще говорил, что были и есть всякие нелепые религиозные учения, но никогда еще не было такого, в котором главный религиозный акт состоял бы в том, чтобы есть своего Бога, – что может быть бессмысленнее того, что богородица – и мать, и дева, что небо открылось и оттуда послышался голос, что Христос улетел на небо и сидит там где-то одесную отца, или что Бог один и три, и не три Бога, как Брама, Вишну и Шива, а один и вместе с тем три. И что может быть безнравственнее того ужасного учения, по которому Бог, злой и мстительный, наказывает всех людей за грех Адама и для спасения их посылает своего сына на землю, зная вперед, что люди убьют его и будут за это прокляты; и того, что спасение людей от греха состоит в том, чтобы быть окрещенным или верить, что всё это так именно и было, и что сын Бога убит людьми для спасения людей, и что те, кто не верит в это, тех Бог казнит вечными мучениями. Так что, даже не говоря о том, что считается некоторыми прибавлением к главным догматам этой религии, как все верования в разные мощи, иконы различных богородиц, просительные молитвы, обращенные к разным, смотря по их специальностям, святым, не говоря и об учении о предопределении протестантов, – самые признанные всеми основы этой религии, установленные никейским символом, так нелепы и безнравственны и доведены до такого противоречия здравому человеческому чувству и разуму, что люди не могут верить в них. Люди могут устами повторять известные слова, но не могут верить в то, что не имеет смысла. Можно устами сказать: я верю в то, что мир сотворен 6000 лет тому назад, или сказать: я верю, что Христос улетел на небо и сел одесную отца; или то, что Бог один и вместе с тем три; но верить во всё это никто не может, потому что слова эти не представляют никакого смысла. И потому люди нашего мира, исповедующие извращенное христианство, в действительности ни во что не верят. И в этом состоит особенность нашего времени.

VII

Люди нашего времени ни во что не верят, а вместе с тем по тому ложному определению веры, которое взято ими из послания к евреям, неправильно приписываемого Павлу, воображают, что они имеют веру. Вера по этому определению есть осуществление (ὑπόστασις) ожидаемого и уверенность (ἔλεγχος) в невидимом. Но, не говоря уже о том, что

вера не может быть осуществлением ожидаемого, так как вера есть душевное состояние, а осуществление ожидаемого есть внешнее событие, вера не есть также и уверенность в невидимом, так как уверенность эта, как и сказано в дальнейшем разъяснении, основывается на доверии к свидетельству истины; доверие же и вера суть два понятия различные. Вера не есть надежда и не есть доверие, а есть особое душевное состояние. Вера есть сознание человеком такого своего положения в мире, которое обязывает его к известным поступкам. Человек поступает согласно своей вере не потому, что, как это сказано в катехизисе, верит в невидимое, как в видимое, и не потому, что надеется получить ожидаемое, а только потому, что, определив свое положение в мире, он естественно поступает соответственно этому положению. Так что земледелец обрабатывает землю и мореплаватель пускается в море не потому, как это сказано в катехизисах, что и тот, и другой верят в невидимое или надеются получить за свою деятельность награду (надежда эта существует, но не она руководит ими), а потому, что они эту деятельность считают своим призванием. Также и религиозно верующий человек поступает известным образом не потому, что он верит в невидимое или ожидает за свою деятельность награду, а потому, что, поняв свое положение в мире, он естественно поступает согласно с этим положением. Если человек определил свое положение в обществе тем, что он чернорабочий, или мастеровой, или чиновник, или купец, то он и считает нужным работать и работает как чернорабочий, как мастеровой, как чиновник или купец. Точно так же и человек вообще, так или иначе определив свое положение в мире, неизбежно и естественно поступает соответственно этому определению (иногда даже не определению, а смутному сознанию). Так, например, человек, определив свое положение в мире тем, что он член избранного Богом народа, который, чтобы пользоваться покровительством Бога, должен исполнять требования этого Бога, будет жить так, чтобы исполнить эти требования; другой же человек, определив свое положение тем, что он проходил и проходит различные формы существования и что от его поступков зависит более или менее его лучшее или худшее будущее, будет в жизни руководиться этим своим определением; и поведение третьего человека, определившего свое положение тем, что он есть случайное соединение атомов, на котором загорелось на время сознание, долженствующее навсегда уничтожиться, будет различно от двух первых.

Поведение этих людей будет совершенно различно, потому что они различно определили свое положение, то есть различно веруют. Вера есть то же, что религия, с той только разницей, что под словом религия мы разумеем наблюдаемое во вне явление, верую же мы называем это же явление, испытываемое человеком в самом себе. Вера есть сознание человеком отношение к бесконечному миру, из которого вытекает направление его деятельности. И потому истинная вера никогда не бывает неразумна, несогласна с существующими знаниями, и свойством ее не может быть сверхъестественность и бессмысленность, как это думают и как выразил это отец церкви, сказав: *credo quia absurdum*. [6] Напротив того, утверждения настоящей веры, хотя и не могут быть доказаны, никогда не только не содержат в себе ничего противного разуму и несогласного с знаниями людей, а всегда разъясняют то, что в жизни без положений веры представляется неразумным и противоречивым.

Так, например, древний еврей, веровавший в то, что есть высшее вечное, всемогущее существо, которое сотворило мир, землю, животных и человека и т. п. и обещалось покровительствовать его народу, если народ будет исполнять его закон, не верит во что-либо неразумное, несогласное с его знаниями, а напротив, это верование разъясняло ему многие без того неразъяснимые явления жизни.

Точно так же и индус, верующий в то, что души наши были в животных и что, по нашей хорошей или дурной жизни, они перейдут в высшие животные, разъясняет себе этой верой много без нее непонятных явлений. То же и с человеком, считающим жизнь злом и целью жизни успокоение, достигаемое уничтожением желаний. Он верит не в нечто неразумное, а, напротив, в то, что делает его мировоззрение более разумным, чем оно было без этой веры. То же и с истинным христианином, верующим в то, что Бог – духовный отец всех людей и что высшее благо человека достигается тогда, когда он сознает свою сыновность Богу и братство всех людей между собою. Все эти верования, если и не могут быть доказаны, не неразумны сами по себе, а, напротив, придают более разумный смысл явлениям жизни, кажущимся неразумными и противоречивыми без этих верований. Кроме того, все эти верования, определяя положение человека в мире, неизбежно требуют известных соответственных этому положению поступков. И потому, если религиозное учение утверждает положения бессмысленные, ничего не разъясняющие, а только еще больше запутывающие понимание жизни, то это не есть вера, а такое извращение ее, которое потеряло уже главные свойства истинной веры.

И вот этой-то веры не только нет у людей нашего времени, но они даже не знают, что это такое, и под верою подразумевают или повторение устами того, что им выдают за сущность веры, или исполнение обрядов, содействующее получению ими желаемого, как их учит этому церковное христианство.

VIII

Люди нашего мира живут без всякой веры. Одна часть людей, образованное, богатое меньшинство, освободившееся от церковного внушения, ни во что не верит, потому что считает всякую веру или глупостью, или только полезным орудием для властвования над массами. Огромное же бедное, необразованное большинство, за малыми исключениями людей действительно верующих, находясь под действием гипноза, думает, что верит в то, что ему внушается под видом веры, но что не есть вера, потому что оно не только не объясняет человеку его положение в мире, но только затемняет его. Из этого положения и взаимного отношения неверующего, притворяющегося меньшинства и загипнотизированного большинства и слагается жизнь нашего мира, называемого христианским. И жизнь эта, как меньшинства, держащего в своих руках средства гипнотизации, так и загипнотизированного

большинства, ужасна и по жестокости и безнравственности властвующих, и по задавленности и одуренности больших рабочих масс. Никогда ни в какие времена религиозного упадка не доходило пренебрежение и забвение главного свойства всякой религии и в особенности христианской – равенства людей, до той степени, до которой оно дошло в наше время. Главную причину ужасной в наше время жестокости человека к человеку, кроме отсутствия религии, составляет еще и та утонченная сложность жизни, которая скрывает от людей последствия их поступков. Как ни могли быть жестоки Атиллы, и Чингис-ханы, и их люди, но когда они сами лицом к лицу убивали людей, процесс убивания должен был быть неприятен им, и еще более неприятны последствия убивания: вопли родных, присутствие трупов. Так что последствия жестокости умеряли ее. В наше же время мы убиваем людей через такую сложную передачу, и последствия нашей жестокости так старательно убираются и скрыты от нас, что нет никаких сдерживающих жестокость воздействий, и жестокость одних людей к другим всё увеличивается и увеличивается и дошла в наше время до пределов, до которых она еще никогда не доходила.

Я думаю, что если в наше время не то, что признанный злодеем Нерон, а самый обыкновенный предприниматель захотел бы сделать пруд из человеческой крови для того, чтобы, по предписанию ученых врачей, купаться в нем больным богатым людям, – он беспрепятственно мог бы устроить это дело, только бы он сделал это в приличных принятых формах, т. е. не заставлял бы насильно людей выпускать свою кровь, а поставил бы их в такое положение, что им нельзя бы было жить без этого, и, кроме того, пригласил бы духовенство и ученых, из которых первое освятило бы новый пруд, как оно освящает пушки, ружья, тюрьмы, виселицы, а вторые приискали бы доказательство необходимости и законности такого учреждения, так же как они приискали доказательство необходимости войн и домов терпимости. Основной принцип всякой религии – равенство людей между собою – до такой степени забыт, оставлен и загроможден всякими нелепыми догматами исповедуемой религии, а в науке это самое неравенство до такой степени – в виде борьбы за существование и выживания более способного (the fittest) – признано необходимым условием жизни, – что уничтожение миллионов жизней человеческих для удобства меньшинства властвующих считается самым обычным и необходимым явлением жизни и постоянно производится.

Люди нашего времени не могут нарадоваться на те блестящие, небывалые, колоссальные успехи, которые сделаны техникой в XIX веке.

Нет сомнения в том, что никогда не было в истории подобного матерьяльного успеха, т. е. овладения силами природы, как тот, который достигнут в XIX веке. Но нет сомнения и в том, что никогда в истории не было примера такой безнравственной жизни, свободной от каких-либо сдерживающих животные стремления человека сил, как та, которую живет, всё больше и больше оскотиниваясь, наше христианское человечество. Успех матерьяльный, до которого достигли люди XIX века, действительно велик; но успех этот куплен и покупается таким пренебрежением к самым элементарным требованиям нравственности, до которого еще никогда не доходило человечество даже во времена Чингис-хана, Атиллы или Нерона.

Нет спора в том, что очень хороши броненосцы, железные дороги, книгопечатание, туннели, фонографы, рентгеновские лучи и т. п. Всё это очень хорошо, но хороши также, несравненно ни с чем хороши, как говорил Рескин, жизни человеческие, которые теперь безжалостно миллионами губятся для приобретения броненосцев, дорог, туннелей, не только не украшающих, но уродующих жизнь. На это говорят обыкновенно, что уже придумываются и со временем будут придуманы такие приспособления, при которых жизни человеческие не будут так губиться, как они губятся теперь, — но это неправда. Если только люди не считают всех людей братьями и жизни человеческие не считаются самым священным предметом, который не только не может быть нарушен, но поддержать который считается самой первой, неотложной обязанностью, — т. е. если люди не относятся религиозно друг к другу, они всегда будут для своих личных выгод губить жизни друг друга. Никакой дурак не согласится тратить тысячи, если он может достигнуть той же цели, истратив сотню с придачей нескольких жизней человеческих, находящихся в его власти. В Чикаго давят железными дорогами ежегодно приблизительно одно и то же число людей. И владельцы дорог, совершенно основательно, не делают таких приспособлений, при которых не давили бы людей, рассчитав, что ежегодно плата пострадавшим и их семьям меньше, чем процент с суммы, необходимой для таких приспособлений.

Очень может быть, что людей, губящих жизни человеческие для своих выгод, устыдят общественным мнением или заставят сделать приспособления. Но если только люди нерелигиозны и делают свои дела перед людьми, а не перед Богом, то, сделав приспособления, охраняющие жизни людей в одном месте, они в другом деле опять будут, как самым выгодным в деле наживы материалом, пользоваться людскими жизнями.

Легко завоевать природу и наделать железных дорог, пароходов, музеев и т. п., если не жалеть жизней человеческих. Египетские цари гордились своими пирамидами, и мы восхищаемся ими, забывая про миллионы жизней рабов, загубленных при этих постройках. Также мы восхищаемся нашими дворцами на выставках, броненосцами, океанскими телеграфами, забывая про то, чем мы платим за всё это. Гордиться всем этим мы бы могли только тогда, когда бы всё это делалось свободно свободными людьми, а не рабами.

Христианские народы завоевали и покорили американских индейцев, индусов, африканцев, теперь завоевывают и покоряют китайцев и гордятся этим. Но ведь эти завоевания и покорения происходят не оттого, что христианские народы духовно выше покоряемых народов, а, напротив, оттого, что они духовно несравненно ниже их. Не говоря об индусах и китайцах, и у зулусов были и есть какие бы то ни было религиозные, обязательные правила, предписывающие известные поступки и запрещающие другие; у наших же христианских народов нет никаких. Рим завоевал весь мир тогда, когда он стал свободен от всякой религии. Это же самое, только в сильнейшей степени, происходит и теперь с христианскими народами. Все они находятся в одних и тех же условиях отсутствия религии и потому, несмотря на внутренний раздор, все соединены в одну федеративную разбойничью шайку, в которой

воровство, грабеж, разврат, убийство отдельных лиц и массами – совершается не только без малейшего угрызения совести, но с величайшим самодовольством, как это на–днях происходило в Китае. Одни ни во что не веруют и гордятся этим, другие притворяются, что веруют в то, что они для своей выгоды, под видом веры, внушают народу, и третьи – огромное большинство, весь народ – принимают за веру то внушение, под которым они находятся, и рабски подчиняются всему, чего требуют от них их властвующие и ни во что не верующие внушители.

А требуют эти внушители того же, чего требуют все Нероны, старающиеся чем–нибудь заполнить пустоту своей жизни, – удовлетворения своей безумной, во все стороны расходящейся роскоши. Роскошь же добывается ничем иным, как порабощением людей; а как только есть порабощение, так увеличивается роскошь; а увеличение роскоши неизменно влечет за собою усиление порабощения, потому что только голодные, холодные, связанные нуждой люди могут делать всю жизнь то, что им не нужно, а нужно только для забавы их властителей.

IX

В главе VI книги Бытия есть глубокомысленное место, в котором писатель Библии говорит, что Бог перед потопом, – увидав, что тот дух свой, который он дал людям для служения ему, люди весь употребили на служение своей плоти, – так прогневался на людей, что раскаялся в том, что сотворил их, и прежде, чем уничтожить людей совсем, решил сократить жизнь людей до 120 лет. Вот это самое, за что, по словам Библии, Бог прогневался и сократил их жизнь, случилось теперь с людьми нашего христианского мира.

Разум есть та сила людей, которая определяет их отношение к миру; а так как отношение всех людей к миру одно и то же, то установление этого отношения, т. е. религия, соединяет людей. Единение же людей дает им высшее благо и телесное, и духовное, которое им доступно.

Совершенное единение – в совершенном высшем разуме, и потому совершенное благо есть идеал, к которому стремится человечество; но всякая религия, отвечающая людям известного общества одинаково на их вопросы о том, что такое мир и что такое они, люди, в этом мире – соединяет людей между собою и потому приближает их к осуществлению блага. Когда же разум, отвлекаясь от свойственной ему деятельности – установления своего отношения к Богу и сообразной этому отношению деятельности, – направляется не только на служение своей плоти и не только на злую борьбу с людьми и другими существами, а и на то, чтобы оправдать эту свою дурную жизнь, противную свойствам и назначению человека, то и происходят те страшные бедствия, от которых теперь страдает большинство людей, и такое состояние, при котором возвращение к разумной и доброй жизни представляется почти невозможным. Язычники, соединенные между собою самым грубым

религиозным учением, гораздо ближе к сознанию истины, чем мнимо христианские народы нашего времени, которые живут без всякой религии и среди которых самые передовые люди уверены и внушают другим, что религии не нужно, что гораздо лучше жить без всякой религии.

Среди язычников могут найтись люди, которые, сознав несоответствие их веры с их увеличившимися знаниями и запросами их разума, выработают или усвоят более сообразное с душевным состоянием народа религиозное учение, к которому присоединятся их соотечественники и единоверцы. Но люди нашего мира, из которых одни смотрят на религию как на орудие властвования над людьми, другие считают религию глупостью и третьи – всё огромное большинство народа – находясь под внушением грубого обмана, думает, что оно обладает истинной религией, – делаются непроницаемы для всякого движения вперед и приближения к истине.

Гордые своими усовершенствованиями, нужными для телесной жизни, и своими утонченными, праздными умствованиями, имеющими целью доказать не только свою правоту, но и превосходство над всеми народами во все века истории, – они коснеют в своем невежестве и безнравственности, в полной уверенности, что они стоят на такой высоте, до которой никогда прежде не достигало человечество, и что каждый их шаг вперед по пути невежества и безнравственности поднимает их на еще большую высоту просвещения и прогресса.

Х

Человеку свойственно устанавливать согласие между своей телесной – физической и разумной – духовной деятельностью. Человек не может быть спокоен, пока так или иначе не установит этого согласия. Но согласие это устанавливается двумя способами. Один – когда человек разумом решает необходимость или желательность известного поступка или поступков и потом уже поступает согласно с решением разума, и другой способ – когда человек совершает поступки под влиянием чувства и потом уже придумывает им умственное объяснение или оправдание.

Первый способ согласования поступков с разумом свойствен людям, исповедующим какую-либо религию и на основании ее положений знающим, какие им следует и какие не следует совершать поступки. Второй же способ свойствен преимущественно людям нерелигиозным, не имеющим общей основы для определения достоинства своих поступков и потому всегда устанавливающим согласие между своим разумом и своими поступками не подчинением своих поступков разуму, а тем, что, совершив поступок на основании влечения чувства, они уже потом употребляют разум на оправдание своих поступков.

Религиозный человек, зная, что в его деятельности и деятельности других людей хорошо или дурно и почему одно хорошо, а другое дурно,

если и видит противоречие между требованиями своего разума и поступками своими и других людей, то все усилия своего разума употребляет на то, чтобы найти средство уничтожения этих противоречий, т. е. научиться наилучшим способом согласовать свои поступки с требованиями своего разума. Нерелигиозный же человек, не имея руководства для определения достоинства поступков, независимо от их приятности, отдаваясь влечению своих чувств, самых разнообразных и часто противоречивых, невольно впадает в противоречия; впадая же в противоречия, старается разрешить или скрыть их более или менее сложными и умными, но всегда лживыми рассуждениями. И потому, тогда как рассуждения людей религиозных всегда просты, немногосложны и правдивы, умственная деятельность нерелигиозных людей делается особенно утонченной, многосложной и лживой.

Возьму самый обычный пример. Человек предан разврату, т. е. нецеломудрен, изменяет жене или, не женясь, предается разврату. Если он религиозный человек, он знает, что это дурно, и вся деятельность его разума направлена на то, чтобы найти средства освободиться от своего порока: не иметь общения с блудниками и блудницами, увеличить труд, устроить себе суровую жизнь, не позволять себе смотреть на женщин как на предмет похоти и т. п. И всё это очень просто и всем понятно. Но если развратный человек нерелигиозен, то он тотчас же придумывает всякие объяснения, почему любить женщин очень хорошо. И тут начинаются всякого рода самые сложные и хитрые, утонченные соображения о слиянии душ, о красоте, о свободе любви и т. п., которые чем больше распространяются, тем больше и затемняют дело и скрывают то, что нужно.

То же самое для нерелигиозных людей происходит во всех областях деятельности и мысли. Для скрытия внутренних противоречий накапливаются сложные, утонченные рассуждения, которые, наполняя ум всякой ненужной дребеденью, отвлекают внимание людей от важного и существенного и дают им возможность коснуться в той лжи, в которой живут, не замечая ее, люди нашего мира.

«Люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы», сказано в Евангелии. «Ибо всякий, делающий зло, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы».

И потому люди нашего мира, вследствие отсутствия религии, устроив себе самую жестокую, животную, безнравственную жизнь, довели и сложную, утонченную, праздную деятельность ума, скрывающую зло этой жизни, до той степени ненужного усложнения и запутанности, что большинство людей совершенно потеряло способность видеть различие между добром и злом, ложью и истиной.

Для людей нашего мира нет ни одного вопроса, к которому бы они могли подойти прямо и просто: все вопросы – экономические, государственные внешние и внутренние, политические, дипломатические, научные, не говоря уже о вопросах философских и религиозных, поставлены так искусственно неправильно и потому окутаны такой густой пеленой сложных, ненужных рассуждений, утонченных извращений понятий и слов,

софизмов, споров, что все рассуждения о таких вопросах кружатся на одном месте, ничего не захватывая, и, как колесо без приводного ремня передачи, ни к чему не приводят, кроме как к той единой цели, в виду которой они и возникают, к тому, чтобы скрыть самим от себя и от людей то зло, в котором они живут и которое они делают.

XI

Во всех областях так называемой науки нашего времени – одна и та же черта, делающая праздными все усилия ума людей, направленные на исследования различных областей знания. Черта эта состоит в том, что все исследования науки нашего времени обходят существенный вопрос, на который требуется ответ, и исследуют побочные обстоятельства, исследование которых ни к чему не приводит, и тем больше запутываются, чем дальше они продолжаются. Оно и не может быть иначе при науке, избирающей предметы исследования случайно, а не по требованиям религиозного мировоззрения, определяющего, что и зачем нужно изучать, что прежде и что после. Так, например, в модном теперь вопросе социологии или политической экономии, казалось бы, есть только один вопрос: зачем и почему одни люди ничего не делают, а другие на них работают? (Если есть другой вопрос, состоящий в том, зачем люди работают порознь, мешая друг другу, а не вместе, сообщая, что было бы выгоднее, то этот вопрос включен в первый. Не будет неравенства, не будет и борьбы.) Казалось бы, есть только один этот вопрос, но наука и не думает ставить его и отвечать на него, а заводит свои рассуждения издали и ведет их так, что ни в каком случае ее выводы не могут разрешить, ни содействовать разрешению основного вопроса. Начинаются рассуждения о том, что было и что есть, и это бывшее и существующее рассматривается, как нечто столь же неизменное, как течение светил небесных, и выдумываются отвлеченные понятия ценности, капитала, прибыли, процента, и является сложная, уже сто лет продолжающаяся игра ума людей, спорящих между собой. В сущности же вопрос разрешается очень легко и просто.

Разрешение его в том, что, так как все люди братья и равны между собой, то каждый должен поступать с другими, как он хочет, чтобы поступали с ним, и что поэтому всё дело в разрушении ложного религиозного закона и восстановлении истинного. Но передовые люди христианского мира не только не принимают этого решения, а, напротив, стараются скрыть от людей возможность такого разрешения и для этого предаются тем праздным умствованиям, которые они называют наукой.

То же происходит в области юридической. Казалось бы, один существенный вопрос – в том, почему есть люди, которые позволяют себе производить насилия над другими людьми, обирать их, запирают, казнить, посылать на войну и многое другое. Разрешение вопроса очень просто, если рассматривать его с единственной приличествующей

вопросу точки зрения – религиозной. С религиозной точки зрения человек не может и не должен совершать насилия над своим ближним, и потому для разрешения вопроса нужно одно: разрушить все суеверия и софизмы, разрешающие насилия, и ясно внушить людям религиозные начала, исключающие возможность насилия.

Но передовые люди не только не делают этого, но все хитрости своего ума употребляют на то, чтобы скрыть от людей возможность и необходимость этого разрешения. Они пишут горы книг о разных правах – гражданском, уголовном, полицейском, церковном, финансовом и др. и излагают и спорят на эти темы, совершенно уверенные, что они делают не только полезное, но очень важное дело. На вопрос же о том, почему люди, будучи по существу равными, могут одни судить, принуждать, обирать, казнить других, не только не отвечают, но не признают его существования. По их учению выходит, что насилия эти совершают не люди, а что-то такое отвлеченное, называемое государством.

Точно так же обходятся и замалчиваются учеными людьми нашего времени существенные вопросы и скрываются внутренние противоречия во всех областях знания. В знаниях исторических существенный вопрос один: как жил рабочий народ, т. е. 999/1000 всего человечества? И на вопрос этот нет и подобия ответа, вопрос этот и не существует, и пишутся горы книг историками одного направления о том, как болел живот у Лудовика XI, какие гадости делала Елизавета английская и Иоанн IV, и кто были министры, и какие писали стихи и комедии литераторы для забавы этих королей и их любовниц, и министров. Историки же другого направления пишут о том, какая была местность, в которой жили народы, чем они питались и чем торговали, и какое носили платье, вообще всё то, что не могло иметь влияния на жизнь народа, но было последствием его религии, которая признается историками этой категории последствием пищи и одежды, употреблявшихся народом.

А между тем, ответ на вопрос о том, как жил прежде рабочий народ, может дать только признание религии необходимым условием жизни народа, и потому ответ – в изучении тех религий, которые исповедывали народы и которые поставили народы в то положение, в котором они находились.

В знаниях естественно-исторических, казалось бы, не было особенной надобности затемнять здравый смысл людей; но и тут, по тому складу мысли, который усвоила наука нашего времени, вместо самых естественных ответов на вопрос о том, что такое и как подразделяется мир живых существ, растений и животных, – разводится праздная, неясная и совершенно бесполезная болтовня, направленная преимущественно против библейской истории сотворения мира, о том, как произошли организмы, что собственно никому не нужно, да и невозможно знать, потому что происхождение это, как бы мы ни объясняли его, всегда скроется для нас в бесконечном времени и пространстве. И на эти темы придуманы теории и возражения, и добавления на теории, которые составляют миллионы книг, и неожиданный вывод из которых один тот, что закон жизни, которому должен подчиниться человек, есть борьба за существование.

Мало того, науки прикладные, как технология, медицина, вследствие отсутствия религиозного руководящего начала, невольно уклоняются от разумного назначения и получают ложные направления. Так, вся технология направлена не на то, чтоб облегчить труд народа, а на усовершенствования, нужные только богатым классам, еще более разделяющие богатых от бедных, господ от рабов. Если же выгоды от этих изобретений и усовершенствований, крупницы от них попадают и к народным массам, то никак не потому, что они предназначены народу, а только потому, что они по свойству своему не могут быть удержаны от народа.

То же и с врачебной наукой, дошедшей в своем ложном направлении до того, что она доступна только богатым классам; массы же народа по своему образу жизни и бедности и по пренебрежению к главным вопросам улучшения жизни бедноты, могут ею пользоваться в таких размерах и при таких условиях, что эта помощь только яснее показывает отклонение врачебной науки от своего назначения.

Поразительнее же всего это уклонение от основных вопросов и извращение их в том, что в наше время называется философией. Казалось бы, есть один вопрос, подлежащий решению философии: что мне делать? И на этот вопрос, если и бывали в философии христианских народов, хотя и соединенные с величайшей ненужной путаницей, ответы, как они были у Спинозы, Канта в его критике практического разума, у Шопенгауера, в особенности у Руссо, ответы эти все-таки были. Но в последнее время, со времени Гегеля, признававшего всё существующее разумным, вопрос: что делать? отходит на задний план, философия всё внимание направляет на исследование того, что есть, и подведение этого под вперед составленную теорию. Это первая спускающаяся ступень. Вторая ступень, спускающая мысль человеческую еще ниже, это признание основным законом борьбу за существование только потому, что эту борьбу можно наблюдать у животных и растений. По этой теории считается, что гибель слабейших есть закон, которому не надо препятствовать. Наконец, наступает третья ступень, при которой мальчишеское оригинальничанье полубезумного Ничше, не представляющее даже ничего цельного и связного, какие-то наброски безнравственных, ничем не обоснованных мыслей, признается передовыми людьми последним словом философской науки. В ответ на вопрос: что делать? уже прямо говорится: жить в свое удовольствие, не обращая внимания на жизнь других людей.

Если бы кто сомневался в том страшном одурении и озверении, до которого дошло в наше время христианское человечество, то, не говоря уже о последних бургских и китайских преступлениях, защищаемых духовенством и признаваемых подвигами всеми сильными мира, один необыкновенный успех писаний Ничше может служить этому неопровержимым доказательством. Являются бессвязные, самым пошлым образом бьющие на эффект писания одержимого манией величия, бойкого, но ограниченного и ненормального немца. Писания эти ни по таланту, ни по основательности не имеют никакого права на внимание публики. Такие писания не только во времена Канта, Лейбница, Юма, но и 50 лет тому назад не только не обратили бы на себя внимания, но не могли бы и появиться. В наше же время всё так называемое образованное человечество восхищается бредом г-на Ничше, оспаривает и разъясняет

его, и сочинения его печатаются на всех языках в бесчисленном количестве экземпляров.

Тургенев остроумно говорил, что есть обратные общие места, которые часто употребляются бездарными людьми, желающими обратить на себя внимание. Все знают, например, что вода мокрая, и вдруг человек с серьезным видом говорит, что вода сухая, – не лед, – а вода сухая, и с уверенностью высказанное такое утверждение обращает на себя внимание.

Точно так же весь мир знает, что добродетель состоит в подавлении страстей, в самоотречении. Это знает не одно христианство, с которым мнимо воюет Ничше, но это вечный высший закон, до которого доросло всё человечество в браманизме, буддизме, конфуцианстве, в древней персидской религии. И вдруг является человек, который объявляет, что он убедился, что самоотречение, кротость, смирение, любовь, – всё это пороки, губящие человечество (он имеет в виду христианство, забывая все другие религии). Понятно, что такое утверждение в первое время озадачивает. Но, подумав немного и не найдя в сочинении никаких доказательств этого странного положения, всякий разумный человек должен откинуть такую книгу и подивиться на то, что нет в наше время такой глупости, которая не нашла бы издателя. Но с книгами Ничше это не так. Большинство людей, мнимо просвещенных, серьезно разбирают теорию о сверхчеловечестве, признавая автора ее великим философом, наследником Декарта, Лейбница, Канта.

А всё происходит оттого, что для большинства мнимо просвещенных людей нашего времени противно напоминание о добродетели, о главной основе ее – самоотречении, любви, стесняющих и осуждающих их животную жизнь, и радостно встретить хоть кое-как, хоть бестолково, несвязно выраженное то учение эгоизма, жестокости, утверждения своего счастья и величия на жизни других людей, которым они живут.

XII

Христос упрекал фарисеев и книжников за то, что они взяли ключи царства небесного и сами не входят и других не впускают.

То же самое делают теперь ученые книжники нашего времени: эти люди взяли в наше время ключи, – не царства небесного, а просвещения и сами не входят, и других не впускают. Жрецы, духовенство, посредством всякого рода обманов и гипноза, внушили людям, что христианство не есть учение, проповедующее равенство всех людей и потому разрушающее весь теперешний языческий строй жизни, а что оно, напротив, поддерживает его, предписывает различать людей, как звезды друг от друга, предписывает признавать то, что всякая власть от Бога, и беспрекословно повиноваться ей, внушает вообще людям угнетенным, что такое положение их – от Бога и что они должны нести его с кротостью и смирением и покоряться тем угнетателям, которые

могут быть не только не кротки и смиренны, но должны, исправляя других, учить, наказывать – как императоры, короли, папы, епископы и всякого рода мирские и духовные власти – и жить в блеске и роскоши, доставлять которую обязаны им их подчиненные. Правящие же классы, благодаря этому ложному учению, которое они усиленно поддерживают, властвуют над народом, заставляя его служить своей праздности, роскоши и порокам. Между тем как единственные люди, ученые, освободившиеся от гипноза и которые одни могли бы избавить народ от его угнетения и которые говорят, что они желают этого, вместо того, чтобы делать то, что могло бы достигнуть этой цели, делают совершенно обратное, воображая, что они этим служат народу.

Казалось бы, люди эти из самого поверхностного наблюдения над тем, чем прежде всего озабочены те, которые держат народ в своей власти, могли бы понять, чем движутся и чем удерживаются народы в известном положении, и должны бы были на этот двигатель обратить все свои силы, но они не только не делают этого, но считают это совершенно бесполезным.

Люди эти как будто не хотят видеть этого и старательно, часто искренно делая для народа самые разнообразные дела, не делают того одного, которое прежде всего нужно народу. А стоит им только посмотреть на то, с какой ревностью отстаивают все властители этот двигатель, которым они властвуют над народами, чтобы понять, на что надо направить свои усилия для того, чтобы освободить народ от его порабощения.

Что защищает турецкий султан и за что больше всего держится? И почему русский император, приезжая в город, первым делом едет прикладываться к мощам или иконам? И почему, несмотря на весь напускаемый на себя лоск культурный, немецкий император во всех речах своих, кстати или не кстати, говорит о Боге, о Христе, о святости религии, присяги и т. п.? А потому, что все они знают, что власть их держится на войске, а войско, возможность существования войска, – только на религии. И если богатые люди бывают особенно набожными и притворяются верующими, ходят в церковь и соблюдают день субботний, то всё это они делают преимущественно потому, что инстинкт самосохранения подсказывает им, что с религией, которую они исповедуют, связано их исключительное, выгодное положение в обществе.

Все эти люди часто не знают, каким образом власть их держится религиозным обманом, но они по чувству самосохранения знают, где их слабое место, то, на чем держится их положение, и защищают прежде всего это место. Люди эти всегда допустят и допускали в известных пределах социалистическую, даже революционную пропаганду; религиозные же основы они никогда не дадут затронуть.

И потому, если передовые люди нашего времени – ученые, либералы, социалисты, революционеры, анархисты – не могут из истории и из психологии понять то, чем движутся народы, то они этим наглядным опытом могли бы убедиться, что двигатель их не в материальных условиях, а только в религии.

Но, удивительное дело, ученые, передовые люди нашего времени, очень тонко разбирающие и понимающие условия жизни народов, не видят того, что режет глаза своей очевидностью. Если люди, поступающие так, умышленно оставляют народ в его религиозном невежестве для того, чтобы удерживать свое выгодное положение среди меньшинства, то это ужасный, отвратительный обман. Поступающие так люди суть те самые лицемеры, которых больше всех людей, даже которых одних из всех людей осуждал Христос, осуждал потому, что никакие изверги и злодеи не вносили и не вносят столько, сколько эти люди, зла в жизнь человечества.

Если же люди эти искренни, то единственное объяснение этого странного затмения только то, что как массы находятся под внушением ложной религии, так и эти мнимо-просвещенные люди нашего времени находятся под внушением ложной науки, решившей, что тот главный нерв, которым всегда жило и живет человечество, уже не нужен ему и может быть заменен чем-то другим.

XIII

В этом заблуждении или коварстве книжников – образованных людей нашего мира – особенность нашего времени, и в этом причина того бедственного состояния, в котором живет христианское человечество, и того озверения, в которое оно более и более погружается.

Обыкновенно передовые, образованные люди нашего мира утверждают, что те ложные религиозные верования, которые исповедуются массами, не представляют особенной важности и что не стоит того и нет надобности прямо бороться с ними, как это делали прежде Юм, Вольтер, Руссо и др. Наука, по их мнению, т. е. те разрозненные, случайные знания, которые они распространяют между народом, сама собой достигнет этой цели, т. е. что человек, узнав о том, сколько миллионов миль от земли до солнца и какие металлы находятся в солнце и звездах, перестанет верить в церковные положения.

В этом искреннем или неискреннем утверждении или предположении – великое заблуждение или ужасное коварство. С самого первого детского возраста – возраста наиболее восприимчивого к внушению, – именно тогда, когда воспитателю нельзя быть достаточно осторожным в том, что он передает ребенку, ему внушаются несовместимые с разумом и знаниями, нелепые и безнравственные догматы так называемой христианской религии. Учат ребенка не вмещающемуся в здравый разум догмату троицы, сошествию одного из этих трех богов на землю для искупления рода человеческого, его воскресению и вознесению на небо; учат ожиданию второго пришествия и наказания вечными мучениями за неверие в эти догматы; учат молиться о своих нуждах и многому другому. И когда все эти, несогласные ни с разумом, ни с современными знаниями, ни с человеческой совестью, положения неизгладимо запечатлеются в восприимчивом уме ребенка, его оставляют

одного, предоставляя ему разбираться, как он умеет, в тех противоречиях, которые вытекают из принятых и усвоенных им, как несомненная истина, догматов. Никто не говорит ему о том, как он может и должен примирить эти противоречия. Если же богословы и пытаются примирить эти противоречия, то попытки эти еще более запутывают дело. И понемногу человек привыкает (в чем усиленно поддерживают его богословы) к тому, что разуму нельзя верить, и что поэтому на свете всё возможно, и что в человеке нет ничего такого, посредством чего он сам мог бы отличать добро от зла и ложь от истины, что в самом важном для него – в своих поступках – он должен руководиться не своим разумом, а тем, что скажут ему другие люди. Понятно, какое страшное извращение в духовном мире человека должно произвести такое воспитание, поддерживаемое и в зрелом возрасте всеми средствами внушения, которое постоянно с помощью духовенства производится над народом.

Если же сильный духом человек с великим трудом и страданиями и освободится от того гипноза, в котором его воспитали с детства и держали в зрелом возрасте, то то извращение его души, при котором ему внушалось недоверие к своему разуму, не может пройти бесследно, как не может в мире физическом пройти бесследно отравление организма каким-либо сильным ядом. Освободившись от гипноза обмана, такой человек, ненавидя ту ложь, от которой он только что освободился, естественно усвоит то учение передовых людей, по которому всякая религия считается одним из главных препятствий движения человечества вперед по пути прогресса. А усвоив это учение, такой человек делается, как и его учителя, тем беспринципным, т. е. бессовестным человеком, руководящимся в жизни только своими похотями и не только не осуждающим себя за это, но считающим себя поэтому на высшей, доступной человеку, точке духовного развития.

Так это будет с самыми духовно сильными людьми. Менее же сильные, хотя и пробудятся к сомнению, никогда не освободятся вполне от того обмана, в котором они воспитаны, и, примкнув к различным хитросплетенным туманным теориям, которые должны оправдывать нелепости принятых ими догматов, и придумывая такие, живя в области сомнений, тумана, софизмов и самообманывания, будут только содействовать ослеплению масс и противодействовать их пробуждению.

Большинство же людей, не имеющих ни сил, ни возможности бороться с внушением, произведенным над ними, поколениями будет жить и умирать, как оно живет теперь, лишенное высшего блага человека – истинного религиозного понимания жизни, и будет всегда составлять только покорное орудие для властвующих и обманывающих его классов.

И про этот-то ужасный обман передовые ученые люди говорят, что он не важен и не стоит прямо бороться с ним. Единственное объяснение такого утверждения, если искренни утверждающие, это то, что они сами находятся под гипнозом ложной науки; если же они не искренни, то – в том, что нападение на установленные верования не выгодно и часто опасно. Так или иначе, во всяком случае, утверждение о том, что исповедание ложной религии безвредно или хотя не важно, и что поэтому можно распространять просвещение, не разрушая религиозного обмана, – вполне несправедливо.

Спасение человечества от его бедствий только в освобождении его от того гипноза, в котором держат его жрецы, так же, как и от того, в которое вводят его ученые. Для того, чтобы влить что-либо в сосуд, надо прежде всего освободить его от того, что он содержит. Точно так же необходимо освободить людей от того обмана, в котором их держат, для того, чтобы они могли усвоить истинную религию, т. е. правильное, соответствующее развитию человечества отношение к началу всего – к Богу и выведенное из этого отношения руководство деятельности.

XIV

«Но разве есть истинная религия? Все религии бесконечно различны, и мы не имеем права ни одну назвать истинной только потому, что она более подходит к нашим вкусам», скажут люди, рассматривающие религии по их внешним формам, как некоторую болезнь, от которой они чувствуют себя свободными, но которой страдают еще остальные люди. Но это неправда: религии различны по своим внешним формам, но все одинаковы в своих основных началах. И вот эти-то основные начала всех религий и составляют ту истинную религию, которая одна в наше время свойственна всем людям и усвоение которой одно может спасти людей от их бедствий.

Человечество живет давно, и как преемственно выработало свои практические приобретения, так не могло не выработать тех духовных начал, которые составляли основы его жизни, и вытекающих из них правил поведения. То, что ослепленные люди не видят их, не доказывает того, что их не существует. Такая общая всем людям религия нашего времени – не какая-нибудь одна религия со всеми ее особенностями и извращениями, а религия, состоящая из тех религиозных положений, которые одинаковы во всех распространенных и известных нам, исповедуемых более чем 9/10 рода человеческого религиях, – существует, и люди еще не окончательно озверели только потому, что лучшие люди всех народов, хотя и бессознательно, но держатся этой религии и исповедуют ее, и только внушение обмана, которое с помощью жрецов и ученых производится над людьми, мешает им сознательно принять ее.

Положения этой истинной религии до такой степени свойственны людям, что как только они сообщены людям, то принимаются ими как что-то давно известное и само собой разумеющееся. Для нас эта истинная религия есть христианство, в тех положениях его, в которых оно сходится не с внешними формами, а с основными положениями браманизма, конфуцианства, таоизма, еврейства, буддизма, даже магометанства. Точно так же и для исповедующих браманизм, конфуцианство и др. истинная религия будет та, основные положения которой сходятся с основными положениями всех других больших религий. И положения эти очень просты, понятны и не многосложны.

Положения эти в том, что есть Бог, начало всего; что в человеке есть частица этого божественного начала, которую он может уменьшить или увеличить в себе своей жизнью; что для увеличения этого начала человек должен подавлять свои страсти и увеличивать в себе любовь; и что практическое средство достижения этого состоит в том, чтобы поступать с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Все эти положения общи и браманизму, и еврейству, и конфуцианству, и таоизму, и буддизму, и христианству, и магометанству. (Если буддизм и не дает определения Бога, то он все-таки признает то, с чем сливается и во что погружается человек, достигая нирваны. Так что то, с чем соединяется человек, погружаясь в нирвану, есть то же начало, признаваемое Богом в еврействе, христианстве и магометанстве.)

«Но это не религия», скажут люди нашего времени, привыкшие принимать сверхъестественное, т. е. бессмысленное, за главный признак религии; «это всё, что хотите: философия, этика и рассуждения, но не религия». Религия, по их понятию, должна быть нелепа и непонятна (*credo quia absurdum*). А между тем, только из этих самых положений или, скорее, вследствие проповедания их, как религиозного учения, и выработались длинным процессом извращения все те нелепости чудес и сверхъестественных событий, которые считаются основными признаками всякой религии. Утверждать, что сверхъестественность и неразумность составляют основные свойства религии, всё равно, что, наблюдая только гнилые яблоки, утверждать, что дряблая горечь и вредное влияние на желудок есть основное свойство плода яблока.

Религия есть определение отношения человека к началу всего и вытекающего из этого положения назначения человека и, из этого назначения, правил поведения. И общая религия, основные положения которой одни и те же во всех исповеданиях, вполне удовлетворяет этим требованиям. Она определяет отношение человека к Богу, как части к целому; из этого отношения выводит назначение человека, состоящее в увеличении в себе божественного свойства; назначение же человека выводит практические правила из правила: поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

Часто люди сомневаются, и я сам одно время сомневался в том, что такое отвлеченное правило, как то, чтобы поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой, могло быть столь же обязательным правилом и руководителем поступков, как правила более простые – поста, молитвы, причащения и т. п. Но на это сомнение дает неопровержимый ответ душевное состояние хотя бы русского крестьянина, который скорее умрет, чем выплюнет в навоз причастие, а между тем по приказанию людей готов убивать своих братьев.

Почему бы требования, выведенные из правила – поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой, как то: не убивать своих братьев, не ругаться, не прелюбодействовать, не мстить, не пользоваться нуждой братьев для удовлетворения своих прихотей и многие другие, – не могли бы быть внушены с такою же силой и стать столь же обязательными и непереступимыми, как вера в святость причастия, образов и т. п. для людей, вера которых основана более на

доверии, чем на ясном внутреннем сознании?

XV

Истины общей всем людям религии нашего времени так просты, понятны и близки сердцу каждого человека, что, казалось бы, стоило бы только родителям, правителям и наставникам вместо отживших и нелепых учений о троицах, богородицах, искуплениях, индрах, тримуртиях и улетающих на небо буддах и магометах, в которые они сами часто не верят, – внушать детям и взрослым те простые, ясные истины общей всем людям религии, метафизическая сущность которой в том, что в человеке живет дух божий, и практическое правило которой в том, что человек должен поступать с другими так, как он хочет, чтобы поступали с ним, – и сама собою изменилась бы вся жизнь человеческая. Только бы так же, как теперь внушается детям и подтверждается взрослым вера в то, что Бог послал сына своего, чтобы искупить грехи Адама, и установил свою церковь, которой надо повиноваться, и вытекающие из этого правила о том, чтобы тогда–то и там–то молиться и приносить жертвы и тогда–то воздерживаться от такой–то пищи и в такие–то дни от работы, – внушалось и подтверждалось бы то, что Бог есть дух, проявление которого живет в нас, и силу которого мы можем увеличить своей жизнью. Только бы внушалось это и всё то, что само собою вытекает из этих основ, так же, как внушаются теперь ни на что ненужные рассказы о невозможных событиях и вытекающие из этих рассказов правила бессмысленных обрядов – и вместо неразумной борьбы и разъединения очень скоро, без помощи дипломатов, международного права и конгресса мира и политико–экономов и социалистов всех подразделений, наступила бы мирная, согласная и руководимая единой религией счастливая жизнь человечества.

Но ничего подобного не делается: не только не разрушается обман ложной религии и не проповедуется истинная, но люди, напротив, всё больше и больше, всё дальше и дальше удаляются от возможности принять истину.

Главная причина того, почему люди не делают того, что так естественно, необходимо и возможно, состоит в том, что люди нашего времени так привыкли, вследствие долгой безрелигиозной жизни, устраивать и упрочивать свой быт насилием, штыками, пулями, тюрьмами, виселицами, что им кажется, что такое устройство жизни не только нормально, но что другого и не может быть. Мало того, что так думают те, для которых существующий порядок выгоден, но и те, которые страдают от него, так одурены производимым над ними внушением, что точно так же считают насилие единственным средством благоустройства в человеческом обществе. А между тем это–то устройство и упрочение общественного быта насилиями более всего удаляет людей от понимания причин своих страданий и потому от возможности истинного благоустройства.

Совершается нечто подобное тому, что делает дурной или злонамеренный врач, загоняя внутрь злокачественную сыпь, не только обманывая этим больного, но усиливая самую болезнь и делая невозможным лечение ее.

Людям властвующим, поработившим массы и думающим и говорящим: «après nous le déluge», [7] кажется очень удобным посредством армии, духовенства, солдат и полицейских и угроз штыков, пуль, тюрем, рабочих домов, виселиц – заставить поработанных людей продолжать жить в своем одурении и поработении и не мешать властвующим пользоваться своим положением. И властвующие люди делают это, называя такой порядок вещей благоустройством, а между тем ничто не препятствует столько истинному общественному благоустройству, как это. В сущности такое устройство есть не только не благоустройство, но устройство зла.

Если бы люди наших обществ с остатками тех религиозных начал, которые все-таки живут в массах, не видели перед собой постоянно совершаемых преступлений теми людьми, которые взяли на себя обязанность блюсти порядок и нравственность в жизни людей – войны, казни, тюрьмы, подати, продажи водки, опиума – они никогда не подумали бы сделать одной сотой тех дурных дел, обманов, насилий, убийств, которые они делают теперь с полной уверенностью, что дела эти хороши и свойственны людям.

Закон жизни человеческой таков, что улучшение ее как для отдельного человека, так и для общества людей возможно только через внутреннее, нравственное совершенствование. Все же старания людей улучшить свою жизнь внешними друг на друга воздействиями насилия служат самой действительной проповедью и примером зла, и потому не только не улучшают жизни, а, напротив, увеличивают зло, которое, как снежный ком, нарастает всё больше и больше и всё больше и больше удаляет людей от единственной возможности истинного улучшения их жизни.

По мере того, как обычай насилий и преступлений, совершаемых под видом закона самими блюстителями порядка и нравственности, становится чаще и чаще, жесточе и жесточе, и всё более и более оправдывается внушением лжи, выдаваемой за религию, люди всё более и более утверждают в мысли, что закон их жизни не в любви и служении друг другу, а в борьбе и в поедании друг друга.

И чем больше они утверждают в этой мысли, спускающей их на степень животного, тем труднее им пробудиться от того гипноза, в котором они находятся, и принять в основу жизни истинную, общую всему человечеству религию нашего времени.

Устанавливается ложный круг: отсутствие религии делает возможным животную жизнь, основанную на насилии; животная жизнь, основанная на насилии, делает всё больше и больше невозможным освобождение от гипноза и усвоение истинной религии. И потому люди не делают того, что естественно, возможно и необходимо в наше время: не разрушают обмана подобия религии и не усваивают и не проповедуют истинной.

Возможен ли выход из этого заколдованного круга, и в чем он?

Сначала представляется, что вывести людей из этого круга должны бы правительства, взявшие на себя обязанность руководить для их блага жизнью народов. Так думали всегда люди, пытавшиеся заменить строй жизни, основанный на насилии, разумным и основанным на взаимном служении и любви устройством жизни. Так думали и христианские реформаторы и так же основатели различных теорий европейского коммунизма, и так же думал знаменитый китайский реформатор Ми-ти, который предлагал правительству, для блага народа, обучать детей в школах не военным наукам и упражнениям и давать награды взрослым не за военные подвиги, а обучать детей и взрослых правилам уважения и любви, и за подвиги любви выдавать награды и поощрения. Так же думали и думают многие русские религиозные реформаторы из народа, которых я знал и знаю многих теперь, начиная с Сютаева и кончая старичком, уже 5 раз подававшим прошение государю о том, чтобы он приказал отменить ложную религию и проповедывать истинное христианство.

Людям естественно кажется, что правительства, оправдывающие свое существование заботами о благе народном, должны, для упрочения этого блага, желать употребить то единственное средство, которое ни в каком случае не может быть вредным для народа, а может только произвести самые плодотворные последствия. Но правительства никогда нигде не только не брали на себя этой обязанности, но, напротив, всегда и везде с величайшей ревностью защищали существующее ложное, отжившее вероучение и всеми средствами преследовали тех, кто пытался сообщить народу основы истинной религии. В сущности оно не может быть иначе: правительствам обличать ложь существующей религии и проповедывать истинную значит то же, что человеку рубить тот сук, на котором он сидит.

Но если не делают этого правительства, то, казалось бы, наверное должны сделать это те ученые люди, которые, освободившись от обмана ложной религии, желают, как они говорят, служить тому народу, который воспитал их. Но эти люди так же, как и правительства, не делают этого: во-первых, потому, что они считают нецелесообразным подвергать себя неприятностям и опасностям гонений от правительств за обличение того обмана, который защищается правительством и который по их убеждению сам собою уничтожится; во-вторых, потому, что, считая всякую религию пережитым заблуждением, им нечего предложить народу на место того обмана, который бы они разрушили.

Остаются те большие массы неученых людей, находящихся под гипнозом церковного и правительственного обмана и потому считающих, что то подобие религии, которое внушено им, есть единственная истинная религия, и другой никакой нет и быть не может. Массы эти находятся под постоянным усиленным воздействием гипноза; поколения за поколениями рождаются, живут и умирают в том одуренном состоянии, в

котором их держат духовенство и правительство, и если и освобождаются от него, то неизбежно попадают в школу ученых, отрицающих религию, и влияние их становится столь же бесполезно и вредно, как влияние их учителей.

Так что для одних это невыгодно, для других это невозможно.

XVII

Выхода как будто нет никакого.

И действительно, для нерелигиозных людей нет и не может быть из этого положения никакого выхода: люди, принадлежащие к высшим правящим классам, если и будут притворяться, что озабочены благом народных масс, никогда серьезно не станут (они и не могут этого делать, руководясь мирскими целями) уничтожать того одурения и порабощения, в котором живут массы и которые дают им возможность властвовать над ними. Точно так же и люди, принадлежащие к порабощенным, тоже, руководствуясь мирскими целями, не могут желать ухудшить свое и так тяжелое положение борьбою с высшими классами из-за обличения ложного учения и проповедания истинного. Ни тем, ни другим незачем это делать, и если они умные люди – они никогда не станут делать этого.

Но не то для людей религиозных, тех религиозных людей, которые, как бы ни было развращено общество, всегда блюдут своей жизнью тот священный огонь религии, без которого не могла бы существовать жизнь человечества. Бывают времена (таково наше время), когда людей этих не видно, когда они, всеми презираемые и унижаемые, безвестно проводят свои жизни, как у нас – в изгнании, тюрьмах, дисциплинарных батальонах; но они есть, и ими держится разумная жизнь человеческая.

И эти-то религиозные люди, как бы мало их ни было, одни могут разорвать и разорвут тот заколдованный круг, в котором закованы люди. Люди эти могут сделать это, потому что все те невыгоды и опасности, препятствующие мирскому человеку идти против существующего строя жизни, не только не существуют для религиозного человека, но усиливают его рвение в борьбе с ложью и в исповедании словом и делом того, что он считает божеской истиной. Если он принадлежит к правящим классам, он не только не захочет скрывать истину ради выгод своего положения, но, напротив, возненавидя эти выгоды, все силы души своей употребит на освобождение себя от этих выгод и на проповедание истины, так как у него в жизни уже не будет иной, кроме служения Богу, цели. Если же он принадлежит к порабощенным, то, точно так же, отказавшись от общего людям в его положении желания улучшить условия своей плотской жизни, такой человек не будет иметь другой цели, кроме исполнения воли Бога обличением лжи и исповеданием истины, и никакие страдания и угрозы не могут уже заставить его перестать жить сообразно с тем единым

смыслом, который он признает в своей жизни. И тот и другой будут так поступать так же естественно, как мирской человек трудится, неся лишения для приобретения богатств или для угождения тому властелину, от которого он ожидает себе выгоды. Всякий религиозный человек поступает так, потому что просвещенная религией душа живет уже не одной жизнью этого мира, как живут нерелигиозные люди, а живет вечной, бесконечной жизнью, для которой так же ничтожны страдания и смерть в этой жизни, как ничтожны для работника, пашущего поле, мозоли на руках и усталость членов.

Вот эти-то люди разорвут тот заколдованный круг, в котором закованы теперь люди. Как ни мало таких людей, как ни низко их общественное положение, как ни слабы они образованием или умом, люди эти так же верно, как огонь зажигает сухую степь, зажгут весь мир, все высохшие от долгой безрелигиозной жизни сердца людей, жаждущие обновления.

Религия не есть раз навсегда установленная вера в совершившиеся будто бы когда-то сверхъестественные события и в необходимость известных молитв и обрядов; не есть также, как думают ученые, остаток суеверий древнего невежества, который не имеет в наше время значения и применения в жизни; религия есть устанавливаемое, согласное с разумом и современными знаниями отношение человека к вечной жизни и к Богу, которое одно движет человечество вперед к предназначенной ему цели.

«Душа человеческая есть светильник Бога», говорит мудрое еврейское изречение. Человек есть слабое, несчастное животное до тех пор, пока в душе его не горит свет Бога. Когда же свет этот загорается (а зажигается он только в душе, просвещенной религией), человек становится могущественнейшим существом мира. И это не может быть иначе, потому что действует тогда в нем уже не его сила, а сила божья.

Так вот что такое религия и в чем ее сущность.

Комментарии В. С. Мишина

«ЧТО ТАКОЕ РЕЛИГИЯ И В ЧЕМ СУЩНОСТЬ ЕЕ?»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Первое упоминание о намерении Толстого писать о религии, впоследствии осуществленном в статье «Что такое религия и в чем сущность ее?», относится к 7 ноября 1900 г. В Дневнике под этим числом Толстой записал: «Думал о трех статьях... 3) что у нас, quasi-христиан, нет никакой религии». [8]

До февраля 1901 г. нет никаких указаний на желание и попытки Толстого осуществить этот замысел. Физическое нездоровье, слабость, отсутствие «охоты», мыслей и «веры в важность своих мыслей» [9] делали для него невозможным писание. И лишь в начале февраля 1901 г. Толстой пытается начать эту статью. Об этом он записывает в Дневнике 8 февраля 1901 г.: «Искал определение религии, взял книгу Чичерина – Религия и наука. Искусственные построения на заданную тему. Мое определение такое: Это – такое установление человеком отношения к бесконечному, которым определяется цель его жизни». [10]

В дальнейшем, в Дневнике и Записных книжках за февраль – март 1901 г., Толстой всё чаще записывает свои мысли о религии, а также делает выписки из книг и ссылки на источники, служащие ему необходимым материалом для работы над статьей. В Дневнике 11 февраля записано: «Читаю книгу Чичерина: Наука и религия. Точка зрения верна, но самоуверенность, туманность выражения, предвзятые мысли, – и оттого легкомысленно и *sans portée*» [11], [12]. В Дневнике и в Записной книжке за февраль – март 1901 г. находится ряд выписок из Вовенарга, Бейля и Б. Констана, касающихся определения религии, впоследствии включенных во вторую главу окончательного текста статьи. Там же записаны отдельные мысли о религии Кольриджа, Прудона, Руссо, Свифта и др. [13]

В то время у Толстого еще не было ясного представления о характере предполагаемой статьи, и он, повидимому, иногда склонялся к тому, чтобы соединить мысли, вызванные писанием «Послания китайцам» [14] (начатого в конце 1900 г.), с мыслями о религии, объединив их общим содержанием. В Дневнике 11 февраля 1901 г. по этому поводу Толстой записывает: «Еще думал, что обращение к китайцам надо оставить. А прямо озаглавить: Безбожное время, или новое падение Рима. И прямо начать с указания на отсутствие религии». [15]

План такой статьи не был выполнен, но желание написать статью о религии не оставляет Толстого, о чем свидетельствуют письма того времени и записи в Дневнике.

Однако Толстой приступил к писанию этой статьи лишь во второй половине 1901 г. Первые два черновика статьи о религии помечены 10 августа 1901 г. (см. описание рукописей). В письме к В. Г. Черткову от 11–13 августа 1901 г. Толстой писал: «Начал о религии, о ее значении и об отсутствии ее в нашем мире. Надеюсь и чувствую, что эта статья увлечет меня и даст возможность высказать многое, что хочется высказать. Надо торопиться».

Весь август и начало сентября, до отъезда в Крым (5 сентября), Толстой энергично работает над статьей, несмотря на слабое состояние здоровья. В письмах своих за это время он неоднократно упоминает о своей работе. В письме к Н. Н. Ге-сыну от 26 августа он пишет:

«Теперь пишу о религии, об ее отсутствии, и въехал в работу». В. В. Стасову от 28 августа: «Я хвораю, но не перестаю работать, à tort или à raison [16] думая, что моя работа нужна». Г. А. Русанову от 5 сентября: «Теперь я занят статьей о религии – определение ее и выяснение ее отсутствия в нашем мире и ужасных последствиях этого. Очень меня занимает эта работа». [17]

В Крыму работа над статьей о религии подвигалась слабо. В письме, к В. Г. Черткову от 14 сентября Толстой писал: «Дорогой я хворал. Но нынче 4-й день пребывания здесь, и мне значительно лучше... Утро работаю, но пока мало... О религии черновые остались в Ясной, и я не жалею. Поместить мысли отрывочно не произведет действия, а ослабит для моей статьи... О художественных работах и думать не смею. Две, включая и «О религии», у меня есть вещи, которые я буду виноват, если не кончу до смерти. Виноват, потому что мог сделать это прежде». [18]

О работе над статьей о религии он писал также в письмах Э. Мооду от 23 сентября и П. А. Буланже от 3 и 30 октября. [19] 10 октября Толстой записал: «Страшно сказать: не писал почти два месяца... За всё это время работаю над Религией. Кажется, подвигается, но и умственно стал слабее, меньше времени могу работать». И 24 октября: «За это время писал О религии». [20]

Несмотря на состояние болезненности и «умственной слабости», Толстой за это время много исправляет, переделывает, начинает главы, потом, не удовлетворяясь, оставляет их и пишет новые. В Дневник и Записные книжки он заносит свои мысли о религиях, которые затем включает в статью.

К началу ноября 1901 г. Толстым было написано уже около двенадцати глав. Весь ноябрь проходит в усиленной работе. Толстой продолжает собирать материал по вопросу о религии, читает, просит сообщать неизвестную ему литературу по этому вопросу. В письме от 6 ноября он пишет В. Г. Черткову: «Пишу я, как вы знаете, о религии «Что такое религия?» Написано и много раз пересмотрено 12 глав, остается едва ли 6. Читаю я прекрасную монографию Куно Фишера о Канте. [21] Он пишет там, что Кант особенно дорожил своим последним сочинением, [22] а вышло оно плохо. Боюсь того же. А все-таки особенно дорожу этим писанием и приписываю ему большую важность. Есть ли что-нибудь новое и особенно хорошее по-английски или других языках о философии религии, об ее определении, напишите мне... Нынче читал Михайловского О религии. [23] Что за произвольная, легкомысленная, ничего не говорящая чепуха, которая, он думает, перестанет быть чепухой от того, что он подтвердит ее Boissier, Fustel de Goulanges, Spenser и т. д. Вот уж истинно слепые толкуют о разных тонкостях цветов». [24]

Судя по этому письму, работа Толстого к 6 ноября производилась, применительно к нашему описанию, над рукописями № 57 или 58.

На просьбу Толстого указать литературу о философии религии Чертков ответил 30 ноября: «О книгах о философии религии как раз сегодня прочел. Если сами разбираемые книги могут вам пригодиться, то

сообщите, тотчас же доставлю вам». В дальнейших письмах Толстого нет указания на то, что он воспользовался предложением Черткова. Возможно, что к этому времени (письмо было получено в начале декабря) надобность в книгах миновала, так как статья уже подходила к концу.

Продолжение и окончание статьи заняло весь ноябрь и начало декабря. Работа была исключительно напряженной, но двигалась медленно. Последние главы переделывались по нескольку раз. С 6 по 22 ноября (этим числом датирована Толстым рукопись № 64) Толстым были просмотрены около шести–семи рукописей (№№ 58–64). Повидимому, Толстой писал не ежедневно. С 22 ноября по 7 декабря рукописи датировались на обложках рукой переписчиц (см. рукописи №№ 64–79).

В письмах Толстого и в Дневнике его за это время находим неоднократные указания на работу над статьей о религии. В письме к В. А. Лебрену он писал 24 ноября: «Здоровье мое всё то же. Мне хорошо. Кончаю работу». В Дневнике 29 ноября записано: «Опять почти два месяца не писал. Всё время нездоров... Я думаю, что кончил о религии. Как всегда, сомневаюсь в важности и доброте этого сочинения, но, кажется, теперь более основательно, чем в прежних случаях»; [25] 30 ноября: «Вчера было очень хорошо... Записал дневник и подвинулся в 16 главе о религии. [26] Нынче дурно спал – мало. Боли и слабость. Дурно писал и не кончил». [27] В письме к В. Г. Черткову от 30 ноября Толстой писал: «Вчера у меня был хороший день... надеюсь, что кончил о религии («Что такое религия и ее назначение»). Нечто придется переменить, прибавить кое-что в последней 16-й главе. Как всегда, то кажется, что там много важных мыслей, хотя и дурно выраженных, то кажется, что всё нехорошо. Одно знаю, что написать это мне было нужно, и я сделал, что мог...» Далее, говоря, что читает новый роман В. фон Поленца «Der Grabenhager», замечает, что одна глава «потянула» его к художественной работе, и прибавляет: «Теперь особенно после того, как я кончил утомившую меня одностороннюю работу о религии». [28] И. М. Трегубову от 2 декабря: «Утро занят работой над статьей о религии и не решаюсь оторвать от этой работы часть времени, которого по всем вероятностям мне мало осталось в этом мире; работу же эту считаю себя обязанным сделать. Теперь почти кончил». [29] В дальнейшем работа над статьей о религии протекала еще более медленно. 7 декабря Толстой уехал из Гаспры в Ялту к М. Л. Оболенской, серьезно заболел там и пробыл до 13 декабря. Возвратившись, он занимался статьей «О веротерпимости». О работе над статьей о религии в это время нет никаких указаний. Лишь 26 декабря Толстой записывает в Дневнике: «Кончил о религии. Но, должно быть, пересмотрю еще». [30] С. А. Толстая в своем дневнике упоминает 27 декабря: «Пишет «О свободе совести» и опять переправляет «О религии». [31]

Можно думать, что в этой стадии работа над статьей о религии может быть приурочена, применительно к нашему описанию рукописей, к рукописи № 81. Эта рукопись являлась последней черновой, рабочей рукописью. Следующая рукопись, № 82, – беловая копия предыдущей рукописи. Толстой, говоря, что он «вероятно, пересмотрит еще», очевидно, имел в виду последний просмотр всей заново переписанной статьи. Это он и сделал впоследствии.

Точно определить число, к которому можно приурочить исправления в последней рукописи № 82, не представляется возможным. Даты на рукописи нет; указания, точно фиксирующего окончание статьи, в Дневнике или в письмах Толстого и его окружающих, также нет. Есть глухие упоминания лишь в письмах Толстого П. И. Бирюкову от 31 декабря: «О религии кончил и на днях отправлю» [32] (В. Г. Черткову в Англию) и Г. А. Русанову от 17 января 1902 г.: «Кончил о религии». [33] Предположительно можно сказать, что статья была закончена в последних числах декабря 1901 г. или в первых числах января 1902 г., так как в первой половине января 1902 г. она уже была отослана В. Г. Черткову в Англию для печатания. В письме к Ф. Х. Граубергеру от 20 января 1902 г. Толстой, отвечая на ряд вопросов о религии, поставленных адресатом, писал: «Я совершенно согласен с тем, что вы пишете. Я понемногу приходил к этому убеждению и теперь пришел окончательно, что и выразил в своей статье «Что такое религия и в чем ее сущность?», которая теперь, вероятно, печатается у Черткова». Повидимому, с момента отсылки статьи Черткову до письма (20 января) прошел некоторый период времени, который дал Толстому возможность сказать, что статья «вероятно печатается». О получении статьи В. Г. Чертков сообщал Толстому в письме от 10 февраля (н. с.) 1902 г., где дал и свой подробный отзыв о ней (см. т. 88).

Отослав статью для печатания, Толстой, однако, не прекратил работы над ней.

В конце января здоровье его резко ухудшилось, он заболел воспалением легких. Во время болезни он вновь вернулся к статье о религии. Между 30 января и 8 февраля он диктовал вставки к ней. Об этом свидетельствуют П. А. Буланже в своих воспоминаниях [34] и С. А. Толстая в своем дневнике, а также записи Е. В. Оболенской в календарном блокноте Толстого. [35] Вставки, продиктованные Толстым, были отосланы в Англию

В. Г. Черткову. Две из них (к главе XVI – одна, дополняющая другую) Чертковым были получены (см. рукопись № 82); третья же (к главе III) получена не была и поэтому в окончательный текст не вошла (см. рукопись № 81).

Печатание статьи началось в первой половине февраля 1901 г. В. Г. Чертков в письме от 15 февраля (н. с.) 1901 г. сообщал Толстому: «О веротерпимости» выходит на днях и уже переводится всеми переводчиками... Остальное – «О религии» и «Памятки» – идет немедленно следом».

Толстой, долгое время не имея сведений о печатании статьи о религии, в продиктованном им письме от 2 марта, в числе других вопросов, спрашивает: «Что о религии?» На это Чертков в письме от 24 марта (н. с.) отвечает: «Точно так же были посланы (частью простым, частью заказным) листы «О религии», 1-й лист 16 февраля – 1 марта, 2-й лист 5–18 марта... «О религии» – кончаем на этой неделе совсем. Не могу вам сказать, как мы ценим эту книгу».

27 марта Толстой сообщал Черткову из Кореиза: «Все ваши посылки я

получаю аккуратно. И теперь мне недостает только 4-го листа «0 религии», 3-й получен вдвойне». [36]

А. К. Черткова, посылая дубликаты, повидимому, затерявшегося четвертого листа статьи, в письме от 6 мая (н. с.) писала Толстому: «Просим кого-нибудь из ваших сообщить, какие листки не доходят, будем всегда досылать. Получили ли окончание «Что такое религия?» вторично?»

Статья вышла под заглавием: Л. Н. Толстой, «Что такое религия и в чем сущность ее?», издание «Свободного слова», № 75, Christchurch, Hants, England, 1902.

Текст статьи в издании «Свободного слова» не лишен некоторых погрешностей. Из более крупных укажем на следующие:

1) В конце главы III отсутствует отрывок со слов: «И так нельзя назвать» (см. рукопись № 81). Это текст позднейшей вставки, очевидно не полученной Чертковым. 2) В конце главы VII, в предпоследнем абзаце, отметкой А. К. Чертковой вводится зачеркнутое Толстым место со слов: «и не только не требует», кончая: «человек служил Богу» (см. рукопись № 82). 3) Вводится также отметкой А. К. Чертковой в четвертом абзаце главы XII зачеркнутое Толстым место со слов: «и деятельность их подобна той», кончая: «мировоззрения людей» (см. рукопись № 82).

Все последующие издания являлись перепечаткой «Свободного слова», и поэтому нами не рассматриваются. В России статья «Что такое религия и в чем сущность ее?» появилась впервые в 1906 г. в изд. А. Е. Беляева «Земля и труд», выпуск 2.

В 1902 г. предполагалось напечатать выдержки из этой статьи в журнале А. Я. Острогорского «Образование». Толстой предложил это Острогорскому в виде компенсации за недоразумения, связанные с печатанием в его журнале написанного Толстым окончания легенды Костомарова «Сорок лет». В письме от 16 апреля 1902 г. Толстой писал П. А. Буланже: «Если он (Острогорский) решился напечатать «0 религии» с теми выпусками, которые вы с ним найдете нужными, то я с большим удовольствием предоставляю ему это право и буду очень благодарен за все те заботы, которые причинит ему это печатание». [37] Острогорский согласился. 9 декабря 1902 г. Толстой в письме Острогорскому предоставил ему право печатания статьи «Что такое религия и в чем сущность ее?» [38] и послал ему текст статьи, которой в корректуре дал заглавие: «Мысли о современном человечестве». Однако статья не была разрешена цензурой, о чем сообщил Толстому А. Я. Острогорский 23 января 1903 г.

К истории работы Толстого над статьей «Что такое религия и в чем сущность ее?» относится также эпизод, связанный с переводом на французский язык. Перевод был сделан Ж.-В. Бинштоком при участии П. И. Бирюкова и выпущен под заглавием: C-e Léon Tolstoï, «Qu'est-ce la Religion?» Traduit du russe par J.-W. Bienstock et P. Birukov, Paris, P.-V. Stock-Editeur, 1902. [39] П. И. Бирюков послал Толстому экземпляр этого перевода и в письме от 6 мая (н. с.) 1902 г. просил

дать о переводе отзыв и внести в него исправления. Толстой ответил пространным письмом, в котором писал, что нашел перевод не только «плохим», но «ужасным», и прибавлял: «Я начал поправлять один экземпляр и дошел до 18 страницы и бросил, увидав, что это бесполезный труд».[40] Этот исправленный Толстым экземпляр перевода статьи остается пока неизвестным редакции.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Рукописи, относящиеся к статье «Что такое религия и в чем сущность ее?», хранятся в Рукописном отделе Музея Л. Н. Толстого Академии наук СССР, в архиве В. Г. Черткова. Общее количество их исчисляется в 1449 рукописных единиц.

Все рукописи расположены хронологически под №№ 1–82.

Работа Толстого над этой статьей велась по частям. Отдельные главы и места текста перерабатывались по многу раз. Листы с большой авторской правкой переписывались, остальные же перекладывались в следующую рукопись. Переписчиками данной статьи были: М. Л. Оболенская, Н. Л. Оболенский, П. А. Буланже, О. К. Толстая и др.

Рукописи №№ 1–9 охватывают главы I–IV, №№ 10–32 – главы I–VI, №№ 33–81 – главы III–XVIII и № 82 – главы I–XVIII.

Первые три главы в рукописи № 32 близки к тексту окончательной редакции и вплоть до рукописи № 82 не подвергались переработке или даже частичному исправлению автора. Начиная с рукописи № 33, статья быстро расширяется. Происходит систематическое нарастание глав. В каждой последующей рукописи Толстой продолжает свою статью и уже в рукописи № 76 заканчивает ее XVIII главой. Рукописи №№ 77–81 являются последними черновыми рабочими рукописями статьи.

Рукопись № 81 включает в себе главы III (начало этой главы не сохранилось) – XVIII. В эту рукопись внесены рукой Е. В. Оболенской и О. К. Толстой все исправления, сделанные Толстым в рукописи № 82. Кроме того, приложены к главам III и XIV сделанные рукой Н. Л. Оболенского копии двух вставок Толстого. Оригиналы этих вставок были написаны рукой П. А. Буланже, которому Толстой продиктовал их, и отосланы Черткову (уже после отправки ему рукописи № 82). Одна из них (к главе III), очевидно, до Черткова не дошла и сохранилась лишь в виде копии в данной рукописи.

Рукопись № 82 – наборная; включает в себе текст всей статьи, главы I–XVIII. В рукописи две вставки: одна на листе 4°, относящаяся к стр. 28 и являющаяся продолжением вставки, сделанной внизу этой страницы, другая вставка – к стр. 79 на 1 л. 4°, содержащая исправления к этой странице, записанные П. А. Буланже под диктовку Толстого и посланные в Англию В. Г. Черткову уже после отсылки всей

рукописи. К этой вставке имеется дополнение на отрезке листа, сделанное рукой П. А. Буланже и также посланное В. Г. Черткову на другой день после отсылки черновых исправлений.

На обложках рукописей имеются даты, проставленные рукой переписчиков: № 1–2 – «10 авг. 1901»; № 22 – «12 сентября 1901»; № 66 – «24 ноября 1901»; № 67 – «25 ноября 1901»; № 68 – «26 ноября 1901»; № 69 – «27 ноября 1901»; № 70 – «28 ноября 1901»; № 71 – «1901 года 29 ноября»; № 73 – «1901 года 30 ноября»; № 73 – «1 дек. 1901»; № 75 – «3 дек. 1901»; № 76 – «4 дек. 1901»; № 77 – «5 дек. 1901»; № 78 – «6 дек. 1901»; № 79 – «7 дек. 1901».

В рукописи № 64 – дата рукой Толстого: «22 н[оября] 1901»; его же рукой в рукописи № 70: «Гаспра 1901, 29 ноябрь».

Текст статьи в настоящем издании печатается по рукописи № 82, с исправлением ошибок переписчиков по предыдущим рукописям. Кроме того, вносим вставку в конец главы III, сделанную Толстым после отсылки рукописи В. Г. Черткову и описанную нами в рукописи №81.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем томе публикуется часть произведений позднего периода творчества Л. Н. Толстого: повесть «Хаджи-Мурат» с ее многочисленными вариантами, над которой он работал с 1896 по 1904 г., и публицистические статьи 1902–1903 гг.: «К рабочему народу», «К политическим деятелям», «Что такое религия и в чем сущность ее?», «О Шекспире и о драме».

В этих произведениях с большой силой сказались и величие и слабость Толстого как художника и мыслителя, в них предельно ярко отразились гениально вскрытые В. И. Лениным противоречия его творчества.

Острейшие противоречия в творчестве Толстого – это отражение тех в высшей степени противоречивых условий, в которые была поставлена жизнь пореформенной России эпохи подготовки революции 1905 года. «Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции» [41], – писал В. И. Ленин.

I

Мировоззрение Толстого отразилось в «Хаджи-Мурате» во всей своей сложности и противоречивости. Сюжет повести находится в полном

соответствии с действительными историческими событиями. Но вместе с тем, Толстой освещает эти события с позиций, характерных для него как выразителя идеологии патриархального крестьянства.

Естественность жизни горцев, их цельность, близость к природе, чистоту нравов Толстой резко противопоставляет лжи, лицемерию, цинизму и разврату «цивилизованного» общества.

Своеобразие «Хаджи–Мурата», сравнительно с другими произведениями позднего Толстого, заключается в том, что идея непреклонной борьбы «до последнего» звучит в повести как основной мотив, объективно опровергая проповедь «непротивления злу насилием».

Художественные особенности повести – лаконичность, законченность характеристик, лирическая взволнованность повествования – свидетельствуют о необычайной творческой силе Толстого, обогащенной многолетним писательским опытом. Поэтому художественное воздействие «Хаджи–Мурата» на читателя не уступает по своей силе воздействию других величайших произведений писателя. Горький говорил об этой повести: «Да, когда я читаю Толстого или Чехова, какое огромное спасибо говорю им. И мне кажется, что эти творцы умели выражать всё. Разве можно написать «Хаджи–Мурата» лучше? – Нам кажется – нет. Толстому казалось можно!» [42]

На содержании и художественной форме повести сказались и новые требования, предъявленные Толстым к искусству и сформулированные незадолго до создания «Хаджи–Мурата» в трактате «Что такое искусство?». Ценителем искусства должен быть весь народ, и потому по форме оно должно быть доступным и понятным народу. «Краткость, ясность и простота выражения», эти неперемennые требования Толстого к подлинному искусству, отразились в совершенстве формы повести, в ее безыскусственной поэзии, гениальной простоте.

Как видно из содержания повести, из ее многочисленных вариантов, и как это показано в статье А. П. Сергеенко «История писания «Хаджи–Мурата», Толстой интересовался борьбой горцев Кавказа на протяжении почти всей своей литературной деятельности. Он тщательно изучал исторические, этнографические и мемуарные источники, относящиеся к Кавказу, и потому сумел дать в своей повести верную до мельчайших деталей картину исторической и бытовой обстановки Кавказа и происходивших там во время царствования Николая I событий.

Однако действительный историзм заключается не только в воссоздании верной картины обстановки исторических событий, но прежде всего в раскрытии их объективно–исторического смысла, т. е. в правильной оценке изображаемых событий и лиц.

Присоединение Кавказа к России было исторически прогрессивным делом, так как ввело территорию Кавказа в сферу европейского рынка и связало отсталые производственные силы Кавказа с развивающейся капиталистической экономикой России. Бесспорно и то, что огромное значение для развития культуры кавказских народов имело установление связей с великой русской культурой. Энгельс в письме к Марксу от 23 мая 1851 г. писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль

по отношению к Востоку». [43]

Но это лишь одна сторона вопроса. Вторая заключается в том, что присоединение Кавказа происходило насильственным путем, в процессе колониальных войн царизма. Это вызывало гневный протест Толстого, ярко отраженный в повести «Хаджи-Мурат». Однако движение горцев было использовано религиозными фанатиками-мюридами и Шамилем, опиравшимся на Турцию и Англию, в своих деспотических целях и приобрело поэтому реакционный националистический характер. Мюридизм, разжигая ненависть кавказских племен к русским, вместе с тем стремился увековечить самые отсталые черты феодально-патриархального быта горцев. Администрация Шамиля, наибы – заместники областей – зачастую, особенно в последние годы войны, превращались в новую феодальную знать, начинавшую эксплуатировать бедняцкие массы горцев ничуть не хуже старых феодалов. Известны неоднократные массовые возмущения против наибов.

Толстой в «Хаджи-Мурате» резко осуждал и вождя горцев Шамиля и колонизаторскую политику Николая I.

В одном из вариантов главы о Николае I он писал:

«Гибли сотни тысяч солдат в бессмысленной муштровке на учениях, смотрах, маневрах и на еще более бессмысленных жестоких войнах против людей, отстаивающих свою свободу то в Польше, то в Венгрии, то на Кавказе».

Но, бичуя самодержавный деспотизм Николая I и его сатрапов, обличая в оценке кавказской войны лживость официальной историографии, Толстой в то же время пытается истолковать изображаемые события и поведение своих героев в морально-этическом плане, оценить их с точки зрения «вечных истин» религии, дополнить реакционной проповедью «непротивленства». Всё это не может не нарушить жизненной правды и художественной цельности произведения.

К оценке действующих в повести исторических лиц – Николая I и Воронцова – Толстой подходит также с морально-этической точки зрения, но, постепенно углубляя их характеристики, рисует всё же исторически верные, обличительные портреты, что является безусловной победой реализма Толстого. Таков образ заместника Кавказа Воронцова-старшего; читатель «Хаджи-Мурата» ясно видит, что это тот самый царский сатрап Воронцов, у которого младшим чиновником служил сосланный Пушкин, давший ему бичующе меткую характеристику:

Полу-милорд, полу-купец,

Полу-мудрец, полу-невежда,

Полу-подлец, но есть надежда,

Что будет полным наконец.

Образу Николая I Толстой уделяет особое внимание. Материал о Николае I, собранный и изученный Толстым, значительно больше того, что вошло затем в повесть «Хаджи–Мурат» и в другие произведения Толстого. Очевидно, в «Хаджи–Мурате» Толстой ограничился одной главой о Николае I потому, что не хотел нарушить художественную пропорцию повести, надеясь в дальнейшем написать о нем самостоятельное произведение. Тема о Николае I так и осталась незавершенной в творчестве Толстого. Но если не завершена тема, то художественный образ Николая I в «Хаджи–Мурате» вполне закончен.

Николай I в изображении Толстого – это олицетворение крайнего деспотизма, воплощение тупой и мертвой силы, которая мешает жить людям. Такова общая морально–этическая оценка, с точки зрения которой Толстой и проводит в «Хаджи–Мурате» прямую параллель между Николаем и Шамилем, представляющими, по его мнению, «два полюса властного абсолютизма – азиатского и европейского». В целом ряде эпизодов Толстой дает сопоставление этих двух лиц, сближая их поступки иногда даже в деталях. Для Толстого Шамиль такой же, как Николай I, бездушный, лицемерный, ослепленный фанатизмом насильник. Не сосредоточивая своего внимания в повести «Хаджи–Мурат» на образе Шамиля, Толстой более развернуто и детально рисует образ Николая I со всеми его отвратительными качествами как самодержца и как человека.

Представителям азиатского и европейского деспотизма в повести противопоставлен Хаджи–Мурат, человек искренний и цельный, ищущий естественной свободы и страстно, «до последнего» отстаивавший ее. Толстой интересовался историей и действительной жизнью Хаджи–Мурата и сделал всё возможное для выяснения деталей его биографии. В бытность свою на Кавказе писатель, повидимому, не встречался с Хаджи–Муратом, но о выходе его к русским знал. Сочувствуя уже тогда борьбе горцев, Толстой дал оценку этому событию в письме от 23 декабря 1851 г. к брату Сергею Николаевичу: «Второе лицо после Шамиля, некто Хаджи–Мурат, на днях предался русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец во всей Чечне, а сделал подлость». [44] Но в повести, написанной более чем через полвека, Толстой отказался от своей прежней оценки поступка Хаджи–Мурата и дал этот образ опять–таки в морально–этическом, но не социально–политическом, плане.

Таким образом, историзм Толстого в «Хаджи–Мурате» имеет как сильные, так и слабые стороны, обусловленные противоречивостью Толстого–художника, мыслителя, проповедника.

II

В статьях, публикуемых в 35 томе, отразились почти все стороны

учения Толстого. Он выступает, по определению Ленина, «как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства». [45]

«Толстовские идеи, это – зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, – писал В. И. Ленин в 1908 г., – отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка». [46]

Толстой отражает настроение патриархального крестьянства «так верно, – подчеркивал Ленин, – что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние – вот что слилось в учении Толстого». [47]

Отчуждение от политики, от борьбы и обращение к богу свойственно тем социальным слоям, которые отчаялись найти реальный выход из бедственного положения. А русское патриархальное крестьянство после реформы 1861 г. являлось именно таким социальным слоем. Весь опыт человеческой истории показал, что крестьянство, вследствие того, что оно было связано с отсталым способом производства, из-за своей раздробленности, неорганизованности, политической несознательности не могло само, своими силами добиться освобождения. Будучи беспомощным в деле своего освобождения, крестьянство не могло иметь сколько-нибудь цельного и тем более последовательного революционного мировоззрения. Временами стихийно возмущавшиеся крестьянские массы России искали выхода из своего бесправного и угнетенного состояния и не могли найти его.

Толстой сочувствовал бедственному положению крестьянства, но вместо действительных средств его освобождения: борьбы, революции – проповедовал самоусовершенствование и «непротивление злу насилием» и тем самым обнаружил, по словам Ленина, «в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю». [48]

В статье «К рабочему народу», написанной в 1902 г., ярко проявились черты реакционной проповеди Толстого. В этой статье Толстой вскрывает враждебный народу эксплуататорский характер царского самодержавия и одновременно пророчит провал всякой попытки с помощью революционного насилия положить конец этой власти. Из того исторического факта, что крестьянские бунты никогда не приводили к освобождению трудящихся от эксплуатации, Толстой сделал реакционный вывод, будто никогда никакой «бунт» или революция (что для него равнозначно) не приведет к освобождению. Толстой не видел, не понимал качественного отличия рабочего класса от крестьянства. Для него рабочие, занятые на фабриках и заводах, – это те же крестьяне, только испорченные и развращенные тем, что искусственно вырваны из естественной и якобы единственно полезной и нужной для всякого человека деревенской жизни и втиснуты во вредные людям условия городской цивилизации.

Толстой страстно обличал капитализм, но считал, что спасение человечества состоит в возвращении от городской «порочной» цивилизации к земледельческому труду.

Мешает этому возвращению, по его мнению, то, что земля, которой хватит «на всех», в огромном количестве составляет частную собственность людей, не только на земле не работающих, но при помощи ее угнетающих других. Эта система охраняется всеми силами государства, а в особенности его главной силой – войском. Нужно поэтому только одно, – говорит Толстой, – изыскать средства вернуть землю народу. Лучшим проектом возвращения земли он считает проект Генри Джорджа, которого Ленин назвал «буржуазным национализатором земли». Согласно этому проекту должно быть точно определено количество земли, нужное отдельному человеку для собственного прокормления. Вся земля сверх этой нормы облагается единым поземельным налогом в таком размере, который сделал бы для владельцев просто невыгодным владеть лишней землей. Это вызовет естественное перераспределение земли и, как следствие – переустройство всего общества. Государство, которое всегда стояло за неработающих, будет, конечно, мешать этому, но если рабочие откажутся служить в войске, то государство сделается бессильно, и таким образом «всё образуется».

Не менее реакционна и беспомощная попытка Толстого критиковать социализм, которого он не знал, не понимал и не мог понять, так как являлся выразителем настроений большинства того крестьянства, которое не видело еще, какие общественные силы способны принести избавление трудящимся массам.

Бичуя буржуазно–помещичье государство и его аппарат насилия – войско, ясно видя уродливость буржуазной цивилизации и предлагая утопические проекты спасения от ее «язв», Толстой выражал настроения русского крестьянина, который с ужасом видел, как почва ускользает из–под его ног, как задыхается он от безземелья и малоземелья, как отнимается его земля, а сам он превращается в сельского пролетария. Всё это, в представлении патриархального крестьянина, шло из города и от города.

Требование земли было всеобщим требованием русского крестьянства накануне первой революции. Эти настроения русского крестьянства и его мечту о земле и выразил Толстой в статье «К рабочему народу».

Вопрос о земле был одним из тех великих вопросов, которые писатель поставил, но разрешить оказался не в состоянии.

Вопрос о земле был правильно поставлен и действительно разрешен лишь партией большевиков. Русское трудящееся крестьянство пошло по пути, указанному Лениным, и получило землю только в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

В статье «К политическим деятелям» Толстой пытался обосновать предложенные им средства искоренения общественных зол путем того же самоусовершенствования и «непротivления злу насилieм» и убедить

политических деятелей, защищающих правительства эксплуататоров, в том, что их деятельность безнравственна, а борющихся против правительства – в том, что их борьба ни к чему не приведет, а лишь ухудшит положение трудящихся.

В век технического прогресса, писал Толстой, власть стала несокрушима, «Чингис–хан с телеграфом» еще более непобедим, чем прежний Чингис–хан. Если революция и победит, то новая власть якобы всё равно не обеспечит свободы людям, и вообще стремление людей к материальному благополучию недостойно человека и т. д. Поскольку средства и силы, поддерживающие правительства, благодаря техническому прогрессу изменились, то и средства искоренения зла должны быть новыми. Эти новые средства и предлагает Толстой – самоусовершенствование и «непротivление злу насилieм».

Реакционность подобной проповеди Толстого, одинаково обращенной и к хозяину и к работнику, очевидна. От нее веет духом идеологии «восточного строя, азиатского строя».

«Отсюда, – писал Ленин, – и аскетизм, и непротivление злу насилieм, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «всё – ничто, всё материальное ничто»... и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д.».[49]

Толстой понимал, что идущая долгие века борьба в человеческом обществе – это в основном борьба между властью и народом, а не между разными группами властителей, как ее пытались представить дворянские и буржуазные идеологи. Но Толстой не видел того, что это была классовая борьба между угнетенными и угнетателями, не видел экономической основы этой борьбы, а поэтому весь процесс общественного развития представлялся ему как чисто механическая смена «одной власти другою, и этой другою еще третьею и т. д.», пока, наконец, власть не сделалась «несокрушима».

Толстой просмотрел то, что вместе с новыми условиями (т. е. эпохой капитализма) возникла и совершенно новая сила – промышленный пролетариат, которому суждено стать могильщиком капитализма.

Ценность статьи «К политическим деятелям» заключается в той уничтожающей критике, с которой Толстой обрушился на буржуазные демократии. Великий художник отчетливо видел, что форма государства, существующая в так называемых демократических странах: Англии, Франции и «обетованной земле» капитализма – Америке, ничуть не лучше для народа, чем царское самодержавие, а своими тягчайшими формами угнетения трудящихся, утонченным лицемерием и маскировкой самой беззастенчивой эксплуатации колониальных народов зачастую еще хуже. Толстой указывает, что истинное лицо буржуазной демократии – в рабстве негров в Соединенных Штатах, в уничтожении независимости буров, в милитаризме Франции. В то время как буржуазные либералы на все лады прославляли западный парламентаризм, считая его образцом для России, «горячий протестант, страстный обличитель» Толстой бичевал буржуазную демократию за ее антинародную, эксплуататорскую сущность.

В третьей из публикуемых в настоящем томе статей – «Что такое религия и в чем сущность ее?» – Толстой излагает свое религиозное учение, а вместе с тем резко критикует официальную церковь за ее фальшь, лицемерие, эксплуататорский характер. Это – типично толстовская противоречивость. У Толстого, писал Ленин, «борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс». [50] Толстой стремился дать «очищенную» религию, т. е. приведенную в соответствие с развивающимся знанием человека об окружающей его природе, свободную от всяких чудес, легенд и т. п., а также и от связей с государством, словом, такую религию, которая, по его словам, должна была не разъединять, а объединять всех людей.

Религия Толстого обладает основным, определяющим признаком всякой религии, т. е. в конечном итоге опирается не на знание, не на обобщенный человеческий опыт, не на науку, а на веру и, как всякая религия, закабаляет человека.

Совершенно правильно подчеркивая, что церковь во все века защищала и поддерживала эксплуататоров и что всякая религия всегда приспособлялась к их нуждам, Толстой не замечал того, что и его «чистая» религия льет воду на ту же мельницу, так как ставит «на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению».

Критикуя в этой же статье буржуазную науку, Толстой справедливо указывает на то, что она оторвана от народа, служит интересам хозяев и потому многие ее завоевания способствуют еще большему закабалению трудящихся масс.

Совершенно неверно довольно распространенное представление о том, что Толстой вообще отрицал всякое значение положительных наук. Это решительно опровергается неослабевающим интересом, с которым Толстой следил за развитием математики, физики, химии, естествознания, о чем он много писал в дневниках, записных книжках и письмах.

Основная ошибка Толстого в оценке науки заключалась в том, что он не верил в возможность науки правильно объяснить окружающий мир и поэтому обращался к вере, которая с необходимостью приводила его к проповеди религии.

Толстой справедливо бичевал буржуазную науку за продажность, за демагогию и фразу, за стихию и анархию, за беспредметность в научных исследованиях, а главное – за полную ее неспособность заняться главным и первейшим делом науки – разумным устройством жизни человеческого общества.

Но Толстой не знал, не хотел знать того непреложного факта, что революционная наука, выражающая интересы и стремления класса-освободителя всех трудящихся – пролетариата, уже есть, что учение о разумном устройстве общества – научный социализм Маркса и Энгельса – дает рабочему народу подлинное руководство в жизни.

III

Статья Толстого о Шекспире при своем первом появлении в печати в 1906 г. вызвала многочисленные отклики самого разноречивого характера. Большинство критиков, конечно, резко нападало на Толстого, стараясь доказать ему, что он «не понял», «не знал» Шекспира или даже «завидовал» его славе!

Известно, что Толстой на протяжении всей своей деятельности интересовался Шекспиром, и его мнение о шекспировских пьесах было за малым исключением всегда отрицательным.

Творчество Шекспира было порождено той эпохой, когда буржуазия только что выдвигалась на арену истории и выступала носительницей прогрессивного по тому времени способа производства. Передовые деятели эпохи Возрождения, олицетворявшие, по выражению Энгельса, «идеализированный рассудок буржуазной эпохи», выступали тогда под знаменем гуманизма, борьбы за свободного человека, против схоластики, мракобесия и феодального аскетизма. Правда, буржуазия не осуществила и десятой доли тех принципов, которые были выдвинуты ее передовыми идеологами. Требование свободы она обратила в свободу наживы, торговли, эксплуатации. Лозунги гуманизма, любви к ближнему она сделала лицемерным прикрытием для компромисса с феодальным дворянством за счет народных масс. Не случайно, что в произведениях писателей той эпохи, в том числе и в творчестве Шекспира, появляются мотивы облагораживания представителей дворянства, «добрых» рыцарей и королей.

Не вдаваясь в подробный анализ оценки Толстым творчества Шекспира, необходимо всё же остановиться на некоторых основных причинах отрицательного отношения Толстого к великому английскому драматургу, наиболее резко и полно выраженного в статье «О Шекспире и о драме».

Толстой критикует Шекспира как представителя отрицаемой им буржуазной культуры, как одного из тех писателей, в творчестве которого ярко проявилось «выделение исключительного искусства высших классов от народного искусства». Он заявляет, что причиной славы Шекспира является массовый гипноз, переходящий из поколения в поколение и начавшийся в узкой группе западных писателей, которые в свое время превозносили его творчество.

В статье о Шекспире сказались взгляды Толстого на искусство, выраженные им в трактате «Что такое искусство?». Именно с точки зрения своей христианской морали Толстой подходит к оценке поступков действующих лиц «Короля Лира» и других драм Шекспира.

Антиисторизм оценки Толстым Шекспира сказывается в том, что он рассматривает шекспировские пьесы с точки зрения тех требований, которые могли быть предъявлены к писателю в конце XIX века, а не во времена Шекспира, который создавал свои произведения в эпоху

зарождения реалистического искусства.

Требую от искусства естественности, простоты, общедоступности, Толстой критикует аллегории, пышные сравнения, гиперболы и прочие художественные приемы Шекспира. В глазах Толстого – это признаки стиля «исключительного искусства высших классов». Одной из причин отрицательного отношения Толстого к Шекспиру было, видимо, и то, что художественный метод самого Толстого резко отличался от художественного метода Шекспира: если в своем творчестве Толстой стремился создать типичный образ через изображение отдельного человека в разных стадиях и проявлениях его внутренней жизни, то Шекспир лепил свои фигуры из типичных качеств многих людей, часто создавая гиперболические образы.

Критика Толстым Шекспира в значительной мере субъективна и не повлияла на отношение к великому английскому драматургу русского зрителя.

Шекспир с его воспеванием свободы и достоинства человека уже давно не нужен современному буржуазному миру, который приближается к своей окончательной гибели и культура которого находится ныне в состоянии маразма и вырождения.

Шекспир на Западе, в том числе и на его родине, в Англии, время от времени используется в наше время для прикрытия прогнившего содержания капиталистической культуры. Только в Советском Союзе, в социалистическом государстве, законном наследнике всего лучшего, что дала история человеческой культуры, Шекспир нашел свое второе рождение.

Современный советский зритель относится с живым интересом к пьесам Шекспира и умеет выделять в них то, что созвучно нашей великой эпохе.

—

Произведения, входящие в 35 том, отражая общие черты позднего творчества Толстого, с несомненностью свидетельствуют о том, что, как бы резко ни звучали его противоречия, какими бы реакционными и утопичными ни были его «рецепты спасения человечества», – Толстой велик уже тем, что, «стремясь дойти до корня», на протяжении всей своей литературной деятельности непрестанно ставил самые острые вопросы общественной жизни во всей их широте и неутомимо искал на них ответа.

«Л. Толстой, – говорит Ленин, – сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества». [51]

Н. Родионов.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с воспроизведением всех больших букв и особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов соблюдаются следующие правила.

Слова, не написанные явно по рассеянности, печатаются в прямых скобках.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-рый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[ак] к[ак]» и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?].

На месте неразобранных слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.] и т. д., где цифры обозначают количество неразобранных слов.

На месте слова, неудобного в печати, ставится его начальная буква и число точек, равное числу выпускаемых букв.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что признает редактор важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-накрест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных

случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, ** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте при номерах вариантов означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого.

Иллюстрации

Фототипия с портрета Л. Н. Толстого 1903 г. между стр. IV и V.

Примечания

1

«Revue de Paris», janvier 1901.

2

[Обязательства человека в отношении Бога – вот что значит религия,]

3

[Религия есть личное дело между человеком и Богом. (Бейль.)]

4

[Религия есть результат потребности души и проявления разума. (Б. Констан.)]

5

[мы всё это переменили,]

6

[верю, потому что нелепо.]

7

[«после нас хоть потоп»,]

8

Т. 54, стр. 54.

9

Там же, стр. 64.

10

Там же, стр. 87–88.

11

[незначительно.]

12

Т. 54, стр. 89.

13

Там же, стр. 90, 91, 238, 239.

14

Т. 37.

15

Т. 54, стр. 90.

16

[неправильно или правильно]

17

Т. 73.

18

Т. 88.

19

Т. 73.

20

Т. 54, стр. 110 и 112.

21

Толстой имеет в виду тт. IV–V сочинения К. Фишера: «Geschichte der neueren Philosophie» – «Immanuel Kant». Русский перевод: Куно Фишер, «Иммануил Кант и его учение». Спб. 1901.

22

«Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft» (1793)
(«Религия в границах только разума»).

23

Н. К. Михайловский, «Отрывки о религии» – «Русское богатство», 1901,
№ 9–10

24

Т. 88.

25

Т. 54, стр. 113.

26

См. рукопись № 72.

27

Т. 54, стр. 115.

28

Т. 88.

29

Т. 73.

30

Т. 54, стр. 116.

31

«Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1897–1909», изд. «Север», М. 1932, стр. 163.

32

Т. 73.

33

Там же.

34

П. А. Буланже, «Болезнь Л. Н. Толстого в 1901–1902 гг.» – «Минувшие годы», 1908, сентябрь.

35

Т. 54, стр. 295–297.

36

Т. 88.

37

Т. 73.

38

Там же

39

Гр. Лев Толстой, «Что такое религия?» Переведено с русского Ж.–В. Бинштоком и П. Бирюковым, Париж 1902.

40

Т. 73.

41

В. И. Ленин, Соч., изд. 4–е, т. 15, стр. 183.

42

Всеволод Иванов, «Встречи с Максимом Горьким», изд. «Молодая гвардия», М. 1947, стр. 79.

43

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, М. 1932, стр. 211.

44

Т. 59, стр. 132–133.

45

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 183.

46

Там же, стр. 184.

47

Там же, т. 16, стр. 302.

48

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 295.

49

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 31.

50

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 295.

51

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 293.